

И память эта не умреть со мною:
 Мой біографъ,—быть можетъ: Шевыревъ,
 Меня, давно забытаго молвою,
 Напомнить вновь вниманью земляковъ.

Въ итогѣ дней ничтожныхъ пилигрима
 Отмѣтитъ онъ одинъ великій день:
 Тотъ день, когда со стѣнъ Ерусалима
 И на меня легла святая тѣнь.

И скажетъ онъ, что средь живаго храма
 На гробъ Господень я главу склонилъ,
 Что тихою струею Силоама
 Я грѣшныя глаза свои умылъ;

Что въ этотъ край, отчизну всѣхъ скорбящихъ,
 Я страждущей души носилъ печаль,
 За упокой въ землѣ сырой лежащихъ
 Внесъ имена на вѣчную скрижаль;

Что прокаженнымъ, за стѣнами града
 Сидящимъ ѡдаль, какъ въ евангельскіе дни,
 Мнѣ лепту подавать была отрада,
 Чтобъ обо мнѣ молились и они;

Что я любилъ на берегу Кедрона
 Иосафатовой долины свѣжій миръ,
 Что съ высоты божественной Сіона
 Внималъ я духомъ пѣснямъ горнихъ лиръ;

Что, долго рабъ житейскаго обмана,
 Послышалъ разъ я неземной призывъ,—
 Когда въ водахъ священныхъ Іордана
 Омылся я, молитву сотворивъ.

ОТДѢЛЪ III.

Г Е Р М А Н І Я.

БЕРЛИНЪ.

(Барону Аполлону Петровичу Мальтцу.)

Фарнгагена ужъ нѣтъ, ни Гумбольдта въ Берлинѣ!
Давно ль ихъ дружескимъ пріемомъ на чужбинѣ
Могъ убѣдиться я, что, темной рядовой
Имъ чуждаго полка,—и я имъ не чужой;
Что всѣ сподвижники высокаго служенья
Во имя грамоты, добра и просвѣщенья,
Простые ратники и свѣтлые вожди,
Которые идутъ съ хоругвью впереди,—
Всѣ дѣти мы одной и дѣлестной дружины,
Что путь единый намъ и лозунгъ намъ единый,
Что можемъ мы себя одной семьей почестъ,
Гдѣ братьямъ и меньшимъ при старшихъ мѣсто есть.

Вотъ истинный союзъ любви международной,
Всѣмъ обязательной и каждому свободной,
Будь только святъ обѣтъ и цѣль твоя чиста,
Будь честное перо и честныя уста!
Ни личной выгодой, ни страстью неподкупный,
Одной любви лучамъ и помысламъ доступный,
Прельщеній будь ты чуждъ, страшись, чтобъ мутный валъ
И суетныхъ страстей, и суетныхъ похвалъ

Не возмутилъ тебя, какъ возмутилъ онъ многихъ,
 Столь падкихъ на соблазнъ и къ ближнему столь строгихъ, —
 И ты найдешь вездѣ, куда судьба ни брось,
 Сочувственныхъ людей, съ тобой живущихъ врозь,
 Но близкихъ, слѣдуя призваній родословью —
 И чѣмъ ихъ выше умъ, тѣмъ онъ теплѣй любовью.
 Еще сдается мнѣ: онъ, старецъ, предо мной
 Съ улыбкой тонкою, съ повисшей головой,
 Въ нашъ скоротечный вѣкъ Маѳусаилъ науки,
 (Онъ дѣдовъ поучалъ, ему внимали внуки)
 Привѣтливый ко всѣмъ, съ любовью ко всему,
 Онъ — авторъ Космоса, самъ Космосъ по уму,
 Бесѣдою своею живой и всесторонней.
 Казалось мнѣ: чѣмъ былъ дѣтами онъ преклоннѣй,
 Тѣмъ расточительнѣй избыткомъ бодрыхъ силъ;
 Казалось, высказать себя всего спѣшилъ,
 Все сдать, что онъ берегъ въ хранилищѣ богатомъ
 И весь свой жаръ и блескъ излить передъ закатомъ.
 Не страшень былъ ему столь близкій сей закатъ;
 Не сѣтовалъ, что жизнь дана намъ на прокатъ:
 Изъ жизни выручилъ онъ все, что только можно
 И на прощанье мнѣ сказалъ онъ безтревожно
 Съ улыбкою, уста подернувшей едва —
 И въ душу ласково лились его слова,
 И что то слышалось пророческое въ рѣчи:
 «Что не берется онъ со мною новой встрѣчи
 «Ждать цѣлый годъ; что срокъ сей долгій не по немъ;
 «Что развѣ мѣсяцевъ пять — шесть, и то съ трудомъ,
 «Онъ постарается сберечь, чтобъ снова руку
 «Мнѣ дружески пожать на вѣчную разлуку.»

Сбылись его слова. Свѣтило нашихъ дней, —
 Блестящій умъ его, въ пылу своихъ лучей.
 Не гаснулъ медленно, часъ отъ часу слабѣя:
 Нѣтъ, онъ затмился вдругъ, еще блестя и грѣя.

Другой, хоть младшій братъ ему и по годамъ,
 И младшій по своимъ заслугамъ и трудамъ,
 Но вмѣстѣ съ нимъ и онъ сочувствій былъ достоинъ.
 За то, что, доблестный на полѣ мысли воинъ,
 Онъ честно совершилъ свой подвигъ боевой.
 И онъ былъ дорогъ мнѣ: съ любовью и съ тоской
 Припоминаю я, оцѣниваю снова
 Живую мысль его, въ живой оправѣ слова,
 Любезность, мѣткій взглядъ на лица и дѣла,
 Все то, что нажилъ онъ съ морщинами чела,
 Все то, что уберечь средь смутъ и тревоженій —
 И цвѣтъ поэзіи, и свѣжесть впечатлѣній.
 Любилъ онъ нашу рѣчь и, поздній ученикъ,
 Онъ въ трудности ея и таинства проникъ.
 Онъ понималъ Русскаго стиха размѣръ и плавность:
 Онъ Пушкина любилъ и пылъ и своенравность
 И въ душу вкрадчивый, задумчивый напѣвъ
 Пѣвца, воспѣваго *Двенадцать спящихъ дней*.
 За русской мыслью онъ слѣдилъ: ея развитію
 Сочувствовать умѣлъ, какъ свѣтлому событію
 И вкладу новому въ сокровище временъ:
 Онъ въ области ума не звалъ Китайскихъ стѣнъ.

Когда меня судьба кидала на чужбину,
 Гдѣ часто ждетъ пріемъ холодный сиротину; —
 Въ моемъ маршрутѣ былъ онъ перепутье мнѣ
 И дружный огонекъ свѣтлѣлъ въ его окнѣ.
 Я зналъ, что тамъ найду не словъ привѣтъ готовыхъ,
 Но дружбу старую съ обмѣномъ мыслей новыхъ.
 Среди повинностей туриста и суетъ
 Столь тяжкихъ, я спѣшилъ въ уютный кабинетъ,
 Гдѣ заставлялъ его сидящимъ за работой.
 Тутъ женскимъ почеркомъ и съ щегольской заботой
 Ученый біографъ и острый публицистъ
 Дописывалъ при мнѣ цвѣтной бумаги листъ.

Фрагментъ для театральнаго зрѣлища
 и постановки въ театръ

Былъ кабинетъ его музей воспоминаній,
 Живой Элизіумъ и тѣней и преданій.
 Онъ тѣнямъ этимъ самъ когда-то сверстникъ былъ,
 Онъ съ ними въ дни борьбы одною жизнью жилъ
 И жизнь сердечную, жизнь радостей и горя,
 Онъ съ ними переплылъ и въ тишь, и въ бури моря.
 Въ преданьяхъ вслушаться онъ могъ и въ голосъ свой.
 И онъ легенду пѣлъ о жизни молодой,
 Когда всегда впередъ влекутъ мечты и страсти.
 Такъ въ сторону сложивъ свой парусъ, руль и снасти,
 Которыми не разъ боролся онъ съ грозой,
 Изъ хижины своей, отшедшій на покой,
 Морякъ очнется вдругъ и съ сладкой грустью чуетъ,
 Какъ море въ вдалекѣ поетъ, или бушуетъ.

А вотъ теперь и самъ преданье онъ: съ чела
 Печать живую смерть внезапно сорвала.
 Ужъ онъ не человѣкъ, а книга; видѣть больно,
 Что смерти грозный валъ срываетъ своевольно,
 Какъ бы на выборъ, дубъ за дубомъ, что пышнѣй
 И выше.

Недочестъ ужъ многить намъ вождей.

Священный легіонъ часъ отъ часу рѣдѣть.
 На смѣну стараго, быть можетъ, новый зрѣть;
 Быть можетъ, онъ созрѣлъ и на пути побѣды
 Далеко занесетъ свой благотворный слѣдъ.
 Дай Богъ! Но, старецъ самъ, о Несторахъ жалѣю:
 Они насытили насъ мудростью своею
 И просвѣтили насъ огнемъ своихъ лучей;
 Сочувственъ былъ намъ складъ и разумъ ихъ рѣчей,
 Вливавшихъ въ нашу грудь прекрасную отвагу
 И безкорыстную любовь къ труду и благу,

И путника возьметъ невольная тоска,
 Когда въ знакомыя мѣста издалека

Онъ возвратясь, найдетъ, что бурей безпощадной
 Опустошенъ пріютъ цвѣтущій и прохладной,
 Который онъ еще недавно постѣилъ,
 Въ которомъ онъ мечталъ и жизнью чувства жилъ.
 Но буря смерти всѣхъ и бурь, и грозъ ужаснѣй:
 Нѣтъ ничего ея внезапнѣе, безгласнѣй,
 Когда на жизнь она обрушится тайкомъ,
 Въ опустошительномъ спокойствіи своемъ!
 Но сердце въ путникѣ еще большій заноситъ
 И тѣню путь его и небосклонъ закроетъ,
 Когда онъ, возвратясь въ давно знакомый домъ,
 Найдеть, что, молча, смерть уже прошла по немъ,
 Что тамъ, гдѣ обновить хотѣлъ онъ духъ и силы,
 Тамъ ждутъ его—однѣ безмолвныя могилы.

Грядущему привѣтъ надежды и любви!
 Но жатву ты его своею не зови.
 Въ тѣни она еще на нивѣ Божьей зрѣетъ.
 А что воздастъ она? кто вычислить счумѣетъ?
 Но прежней жатвой данъ насущный хлѣбъ умамъ.
 Минувшему почеть и благодарность вамъ,
 Подъявшимъ подвигъ свой съ любовью и во благо!
 Дошли до рубежа вы странствія земнаго;
 Но яркимъ заревоиъ и по закатъ дня
 Алѣетъ полоса небеснаго огня.
 Мы знаемъ васъ: свой путь трудомъ вы изобразили;
 Мы знаемъ чѣмъ и какъ задачу разрѣшили,
 Которую въ урокъ вамъ Промыслъ съ жизнью далъ.
 Потомства свѣтлый день для васъ ужъ возсіялъ.
 А если немощью, присущной человѣку,
 Не чуждые страстямъ, не чуждые упреку,
 И вы, богатыри, вооружась на брань,
 Платили слабостямъ и обольщеньямъ дань,—
 Паденьемъ вашимъ мы не возгордимся тайно.
 Съ сознаньемъ бодрствуя, вы падали—случайно.

Въ самихъ ошибкахъ, вы — великій намъ урокъ;
 Намъ, меньшимъ братіямъ, и онъ да будетъ въ прокъ.
 Среда волнъ измѣнчивыхъ и сквозь ночные мраки
 Вы опытомъ своимъ зажгли для насъ маяки,
 Чтобъ каждый, слѣдуя за вами, познавалъ:
 Гдѣ мели миновать, гдѣ остеречься скалъ
 И гдѣ надежный путь къ обѣтованной цѣли?
 Васъ смерть очистила въ таинственной купели
 И отрѣшила васъ отъ всѣхъ житейскихъ смутъ;
 Но будутъ намъ въ примѣръ, но васъ переживутъ
 Творенья ваши, трудъ, любовь къ труду и братьямъ.
 Счастливы, кто на пути, хоть разъ и рукожатъ вамъ,
 И словомъ дружескимъ утѣшенъ вами былъ,
 Кого внимательный привѣтъ вашъ ободрилъ,
 Кто по сочувствію, хоть вовсе не по праву,
 Съ любовью могъ себѣ усвоить вашу славу,
 Гордиться ею могъ, ее уразумѣлъ
 И свѣтлый образъ вашъ въ душѣ запечатлѣлъ!

МАСЛЯНИЦА.

НА ЧУЖОЙ СТОРОНѢ.

Здравствуй, въ бѣломъ сарафанѣ
 Изъ серебряной парчи!
 На тебѣ горять алмазы,
 Словно яркіе лучи.

Ты живительной улыбкой,
 Свѣжей прелестью лица
 Пробуждаешь къ чувствамъ новымъ
 Усыпленные сердца.

Здравствуй, Русская молодка,
 Раскрасавица-душа,
 Бѣлоснѣжная лебедка,
 Здравствуй, матушка зима!

Изъ-за льдистаго Урала
 Какъ сюда ты навзначай,
 Какъ, родная, ты попала
 Въ бусурманскій этотъ край?

Здѣсь ты, сирая, не дома,
 Здѣсь тебѣ не по нутру;
 Нѣтъ приличнаго приѣма
 И народъ не на юру.

Чѣмъ твою мы милость встрѣтимъ?
 Какъ задать здѣсь пиръ горой?
 Не съумѣть имъ, Нѣмцамъ этимъ,
 Поздороваться съ тобой.

Не напрасно дѣдовъ слово
 Затвердилъ народный умъ:
 «Что для Русскаго здорово,
 „То для Нѣмца карачунъ.»

Намъ не страшенъ снѣгъ суровый,
 Съ снѣгомъ—батьюшка морозъ,
 Нашъ природный, нашъ дешевый
 Пароходъ и паровозъ

Ты у насъ—краса и слава,
 Наша сила и казна,
 Наша бодрая забава,
 Молодецкая зима!

Скоро масляницы бойкой
 Закипитъ широкій пиръ
 И блинами и настойкой
 Закутитъ крещеный міръ.

Въ честь тебѣ и ей, — Россія,
 Православныхъ предковъ дочь,
 Строить горы ледяныя
 И гуляетъ день и ночь:

Игры, братскія попойки,
 Настежъ двери и сердца!
 Пышутъ бѣшенныя тройки,
 Снѣгъ топоча у крыльца.

Вотъ взвились и полетѣли.
 Что твой соколъ въ облакахъ!
 Красота ямской артели
 Возжи ловко сжалъ въ рукахъ.

Въ шапкѣ, въ синемъ полушубкѣ
 Такъ и смотреть молодцомъ,
 Погоняетъ закадычныхъ
 Свистомъ, ласковымъ словцомъ.

Мать дородная въ шубейкѣ
 Важно въ розвальняхъ сидитъ.
 Дочка рядомъ въ душегрѣйкѣ
 Словно маковъ цвѣтъ горитъ.

Яркой пылью иней сыплетъ
 И одежду серебрить,
 А морозъ, лаская, щиплетъ
 Нѣжный бархатецъ ланить.

И бѣлѣ, и румянѣй,
 Дѣва блещетъ красотой,
 Какъ алѣетъ на поляхъ
 Снѣгъ подъ утренней зарей.

Мчатся вихремъ безъ помѣхи
 По полямъ и по рѣкамъ,
 Звонко щелкають орѣхи
 На веселіе зубкамъ.

Пряникъ, мой однофамилецъ,
 Такъ же тутъ не позабыть;
 А нашъ пѣнникъ, нашъ кормилецъ,
 Сердце любу веселить.

Разгулялись городъ, села,
 Загулялись старъ и младъ:
 Всѣмъ зима родная гостя,
 Каждый масляницѣ радъ.

Нѣтъ конца веселымъ кликамъ,
 Пѣснямъ, удали, пирамъ.
 Гдѣ тутъ Нѣмцамъ горемыкамъ
 Вторить намъ, богатырямъ?

Сани здѣсь—подобной дряни
 Не видалъ я на вѣку:
 Стыдно сѣсть въ чужія сани
 Коренному Русаку.

Нѣтъ, красавица, не мѣсто
 Здѣсь тебѣ, не обиходъ:
 Снѣгъ здѣсь—рыхленькое тѣсто,
 Вялѣ морозъ и вялѣ народъ.

Чѣмъ почтять тебя, сударку?
 Развѣ кружкою пивной
 Да копѣчной сигаркой,
 Да копченой колбасой.

Съ пива только кровь густѣетъ,
 Умъ раскиснетъ и лицо;
 То ли дѣло, какъ прогрѣтъ
 Наше рьяное вино?

Какъ шепнетъ оно въ догадку
 Ретивому на ушко,—
 Не споешь, ей ей, такъ сладко
 Хоть бы вдовушка Клико!

Выпьешь чарку чародѣйку
 Забубенный нашъ землякъ:
 Жизнь копѣйка!—смерть злодѣйку
 Онъ считаетъ за пустякъ.

Нѣмецъ къ мудрецамъ причислеть,
 Нѣмецъ дока для всего,
 Нѣмецъ такъ глубокомысленъ,
 Что провалишься въ него;

Но по нашему покрою,
 Если Нѣмца взять врасплохъ,
 А особенно зимою,—
 Нѣмецъ, воля ваша, плохъ!

ФРЕЙБЕРГЪ.

I.

Былъ Промысломъ предъизбранный младенецъ,
 Въ рыбацкѣй куцѣ былъ рождень—и онъ,
 Прибрежныхъ хатъ смиренный уроженецъ,
 Въ странѣ, гдѣ долго длится зимній сонъ.

Рыбакъ—позналъ онъ волю Провидѣнья.
 Онъ вдаль прозрѣлъ восторженной душой,
 Обрекъ себя и въ морѣ просвѣщенья
 Съ любовью онъ закинулъ неводъ свой.

И просвѣтилъ онъ Русь свою родную,
 И, доблестнымъ послушникомъ Петра,
 Онъ заронилъ во грудь ея младую
 Святую искру знанья и добра.

Родимыя поляны, тундры, степи
 Онъ звучной пѣснью первый огласилъ;
 Невѣжества слѣпой недугъ и цѣпи
 Онъ съ братьевъ снялъ и Божій міръ открылъ.

Онъ приходилъ, нашъ Холмогорецъ чудный,
 Сюда, чтобъ жажду знанья утолить,
 Трудомъ проникнуть смѣло въ міръ подспудный
 И глубины земныя спросить.

Признательный къ благому Провидѣнью
 За жизнь, за данный смертному уделъ,
 Одушеваясь любовью къ просвѣщенью,
 Весь міръ обнять наукой онъ хотѣлъ.

Цѣною жертвъ, упорства и занятій
Онъ къ цѣли шелъ, горѣвшей впереди
И, можетъ быть, одинъ среди темныхъ братій
Великихъ дѣлъ залогъ носилъ въ груди.

Но зналъ ли кто въ глуши нѣмецкой школы,
Что въ юношѣ богатый кладъ сокрытъ,
Что потекутъ изъ устъ его глаголы,
Которые Россія затвердить?

Онъ увѣнчалъ свой подвигъ величавый;
Орелъ свершилъ свой царственный полетъ,
Но и теперь его трудовъ и славы
Здѣсь отклика пришелецъ не найдетъ.

Молва о немъ здѣсь тупо-молчалива;
Попыткамъ всѣмъ, всѣмъ розыскамъ на зло,
Его слѣда нѣтъ и въ пыли архива:
Глухимъ забвеньемъ имя заросло.

Гость Русскій, здѣсь не задавай вопросовъ
О немъ: что дѣлалъ, какъ учился, жилъ?
Ты спросишь: «былъ здѣсь славный Ломоносовъ?»
И скажутъ: «нѣтъ, а Виноградовъ былъ.»

II.

А развѣ Нѣмцевъ мы не вдвое хуже?
Забвеніе ихъ имъ ставить въ стыдъ грѣшно:
Намъ замѣчать не ловко спицу вчужѣ,
Когда у насъ самихъ въ глазу бревно.

Нашъ Ломоносовъ тамъ прошелъ незримый,
 Онъ въ Фрейбергѣ былъ школьникъ-металлургъ;
 Но помнить ли его, имъ столь любимый,
 Имъ нѣкогда столь славный, Петербургъ?

Въ трудахъ старалъ здѣсь труженикъ Россіи;
 Извѣдалъ онъ всѣ темные пути,
 Всѣ до одной народныя стихіи,
 Чтобъ въ стройное единство ихъ евести.

Онъ возжигалъ всѣ свѣточи науки,
 Чтобъ страсть къ труду въ согражданахъ возжечь;
 Онъ въ стройный видъ, въ серебрянные звуки
 Переплавлялъ заржавѣвшую рѣчь.

Съ домашняго и тѣснаго порога
 Умамъ грядущимъ онъ давалъ законъ;
 По грамотѣ, дарованной отъ Бога,
 Всѣмъ грамотнымъ въ Россіи предокъ онъ.

Но предками нашъ вѣкъ не озабоченъ,
 Онъ предковъ всѣхъ отдать и даромъ радъ
 И если въ чемъ быть можетъ опороченъ,
 Такъ ужъ не въ томъ, что онъ аристократъ.

Собой однимъ любуясь суевѣрно,
 Не вѣрить онъ въ заслуги старины
 И на себя глядятъ высокоуверенно,
 Имъ упоенные, его сыны.

Въ слѣпыхъ мечтахъ, ихъ самолюбью лестныхъ,
 Они себѣ кадятъ, себѣ поютъ;
 Давнымъ давно Америкъ всѣмъ извѣстныхъ
 Они себя Колумбами зовутъ.

Сдается имъ, что міръ досозданъ ими,
 Что былъ до нихъ обрубокъ старый міръ
 И что они руками молодыми
 Въ достойный храмъ внесли златой кумиръ.

Средь современныхъ, міровыхъ вопросовъ,
 Которые легко рѣшать имъ зря,
 Куда имъ знать, чѣмъ былъ нашъ Ломоносовъ,
 Иль изучать слѣды богатыря?

Спросите вы о мужѣ исполинскомъ
 Цѣновщиковъ людскихъ заслугъ и дѣлъ:
 Заговорятъ они вамъ о Бѣлинскомъ.
 Что—жъ? Фрейбергъ правъ и Виноградовъ цѣль!

ПРАГА.

Поклонъ любви съ желаньемъ блага,
 Въ знакъ соучастья и родства,
 Со мною шлетъ тебѣ, о Прага,
 Первопрестольная Москва.

Поклонъ особенный градчину
 Отъ златоглаваго Кремля:
 Не можетъ чуждой Славянину
 Быть Чеховъ доблестныхъ земля.

Насъ историческія сплетни
 Поссорили между собой
 И разорвали долготѣй
 Союзъ, священный и родной.

Но братья мы и предковъ кровью,
И первобытнымъ языкомъ:
Должны быть братья и любовью,
И просвѣщенемъ, и добромъ.

Нѣтъ, не хочу съ судьбою грозно,
Безумецъ, затѣвать борьбы:
Будь каждый дома, каждый розно,
Когда таковъ законъ судьбы.

Но связь преданій не погибла,
Она разрозненныхъ мирить:
Что географія отшибла,
Пусть сызнова любовь скрѣпитъ.

На берегу твоей Молдавы
Люблю я, Прага, вспоминать
Вѣка твоей минувшей славы
И ихъ—мечтой возсозидать.

Обмануть слухъ роднымъ нарѣчьемъ
И съ башенъ, съ стѣнъ твоихъ, съ церковей—
Роднымъ Кремлемъ и Москворѣчьемъ
Все ластится къ душѣ моей.

Святыхъ Меводія, Кирилла
Съ тобой намъ общи имена
И благодарно сохранила
Святая Русь ихъ письмена.

Къ наукѣ рвеніе не остыло
Въ сынахъ твоихъ и въ наши дни:
Шафарикъ твой—Славянъ свѣтило,
И Ганка твой—намъ всѣмъ сродни.

ЗОННЕНШТЕЙНЪ.

Прекрасенъ здѣсь видъ Эльбы величавой.
Роскошной жизнью берега цвѣтутъ;
По ребрамъ горъ—дубрава за дубравой,
За вилой вила, лѣтнихъ нѣтъ пріютъ.

Вездѣ кругомъ изъ каменистыхъ рамокъ
Картины блещутъ свѣжей красотой;
Вотъ на утесъ перешагнувшій замокъ
Къ главѣ его приросъ своей пятой.

Волшебный край, то свѣтлый, то угрюмый!
Живой кипскъ всѣхъ прелестей земли!
Но облакомъ въ душѣ застѣвшей думы
Развлечь, согнать съ души вы не могли.

Я преданъ былъ другому впечатлѣнью,
Любезный образъ въ душу палеталъ,
Страдальца образъ—и печальной тѣнью
Онъ красоту природы омрачалъ.

Здѣсь онъ страдалъ, томился здѣсь когда-то,
Жуковского и мой душевный братъ,
Онъ, пѣснями и скорбью нашъ Торквато,
Онъ, заживо познавшій свой закатъ.

Не для его очей цвѣла природа,
Святой глаголь ея предъ нимъ нѣмѣлъ;
Здѣсь для него съ лазореваго свода
Веселый день не радостью горѣлъ.

Онъ въ мірѣ внутреннемъ ночныхъ видѣній
 Жилъ взаперти, какъ узникъ средь тюрьмы;
 И былъ онъ мертвъ для внѣшнихъ впечатлѣній,
 И Божій міръ ему былъ царствомъ тьмы.

Но видѣлъ онъ, но умъ его тревожилъ—
 Что созидаль ума его недугъ;
 Такъ бѣдный здѣсь лѣта страданья прожилъ,
 Такъ и теперь живетъ несчастный другъ.

БАСТЕЙ.

Что за бури прошли?
 Что за чудо здѣсь было?
 Море-ль здѣсь перерыло
 Лоно твердой земли?

Изверженъ-ли ада
 Сей гранитный хаосъ?
 На утесъ—утесъ,
 На громадѣ—громада!

Все здѣсь глушь, дичь и тѣнь!
 А у горныхъ подножій
 Тихъ и строенъ міръ Божій,
 Улыбается день;

Льется Эльба, сияя,
 Словно зеркальный путь,
 Словно зыбкую ртуть
 Полосой разливая.

Рѣкъ и жизнь, и краса, —
 По волнамъ лодокъ стая
 Мчится, быстро мелькая,
 Распустивъ паруса.

Вотъ грамадой пловучей
 Пропыхтѣлъ пароходъ,
 Неба яхонтный сводъ
 Закоптилъ дымней тучей,

Бархатъ пестрыхъ луговъ,
 Храмы, замки, бесѣдки
 И зеленые сѣтки
 Виноградныхъ садовъ.

Жатвы свѣжее злато,
 Колыхаясь, горить:
 Все такъ чудно глядитъ,
 Все такъ пышно, богато!

Тамъ—въ игривыхъ лучахъ
 Жизни блескъ, скоротечность;
 Здѣсь—суровая вѣчность
 На гранитныхъ столпахъ.

КАРЛСБАДЪ.

Я пережилъ здѣсь многопоколѣній,
 Сочувствій много здѣсь я издержалъ
 И много я минутныхъ обрученій
 Здѣсь невзначай связалъ и развязалъ.

Сближаешься, дружишься мимоходомъ,
 Какъ будто намъ по одному пути
 Все день за днемъ, все дальше годъ за годомъ,
 Все неразлучно, радостно идти.

Сегодня мы попутчики и братья,
 А завтра нѣтъ *его*, или *ея*:
 Другъ другу чужды братскія объятія
 И cadaго зоветъ тропа своя.

Раздѣлять насъ житейскихъ волнъ потоки,
 Поглотять все, что общимъ было намъ
 И никогда о другѣ въ край далекій
 Вѣсть не дойдетъ къ забывчивымъ друзьямъ.

На томъ же мѣстѣ новый міръ встрѣчая,
 Другихъ друзей отыщеть нашъ привѣтъ
 И спутникъ нашъ *другой*, или *другая*,
 А объ отставшихъ и помина нѣтъ.

Назвать-ли это благомъ или несчастьемъ?
 Но на водахъ такой уже обрядъ;
 Когда-жъ вопросъ разсмотришь съ безпристрастьемъ
 И вся-то жизнь—не тотъ-ли же Карлсбадъ?

ОЧЕРКИ КАРЛСБАДА.

I.

Увядающаго года
 Грустныхъ признаковъ здѣсь нѣтъ:
 Сберегла для насъ природа
 Лучшихъ ласкъ своихъ привѣтъ.

День блистателенъ и жарокъ,
 И тепла ночная тѣнь;
 Неба щедраго подарокъ
 Намъ на радость каждый день.

Отъ подошвы до вершины
 Зеленѣютъ груды скалъ;
 Между тополей рябины
 Разсыпаютъ свой кораллъ.

Кое-гдѣ изъ тѣни темной,
 Ребра исполинскихъ горъ,
 Камни толщею огромной
 Перерѣзываютъ боръ.

Быстрыхъ водъ веселымъ пѣньемъ
 Пробуждая берега,
 Тѣпла мчится по камнямъ
 Мимо скалъ и сквозь луга.

Всюду жизнь, очарованье!
 И по воздуху разнесъ
 Свѣжихъ травъ благоуханье
 Запоздальи сѣнокосъ.

II.

Жизнь въ Карлсбадѣ беззаботно
 Льется тихимъ ручейкомъ;
 Прозабательно, животно,
 По-Карлсбадски здѣсь живемъ.

Другъ на друга дни походятъ,
 Отмѣчаешь ихъ едва:
 Ноги и желудокъ бродятъ,
 Но не бродить голова.

Нѣтъ задачъ головоломныхъ,
 Мѣста нѣтъ трудамъ, борьбѣ;
 Мысль въ размѣрахъ самыхъ скромныхъ,
 Молча, мается въ себѣ.

Тихо, бережно, *piano*,
 Насъ баюкаетъ покой;
 Рано ляжешь, встанешь рано
 И пойдешь на водопой.

Пьешь иль Мюль-брунъ, или Шпрудель:
 Вотъ забота! а потомъ
 Ты, какъ ласточка, иль пудель,
 Не заботься ни о чемъ.

По вершинамъ рыщешь смѣло,
 Если крылья есть у ногъ;
 Нѣтъ—такъ Визу то и дѣло
 Мѣришь вдоль и поперегъ.

Вылитый въ однообразность,
Здѣсь приносить каждый день
Поэтическую праздность,
Созерцательную лѣнь.

III.

Паровозъ надъ темной бездной
Ночью мчится, какъ гроза,
А комета съ тверди звѣздной
Прямо смотреть мнѣ въ глаза.

Два страшилища! пожаромъ
Рдѣть та средь мирныхъ звѣздъ;
Здѣсь, клубясь огнемъ и паромъ,
Скачетъ нашъ ночной поѣздъ.

Я лечу! но вдругъ увлекся
Мыслю въ милый мой Карлсбадъ
Спать еще онъ не улегся,
Хоть онъ спать ложиться радъ.

На мосту народъ толпится,
Жадно смотреть въ небеса,
Гдѣ косматое золотится
Дѣвы огненной коса.

Души зрителей волнуютъ:
 Суевѣрье, темный страхъ;
 Всѣ по своему толкуютъ
 Чудный очеркъ въ небесахъ.

Но, не вслушиваясь въ сказки
 И мечтая, и шутя,
 Тутъ же черненькіе глазки
 Щурить милое дитя.

И красавица гадаеть
 Въ любопытствѣ молодомъ:
 Что ей небо общаеть
 Въ яркомъ знаменѣ своемъ?

Что ей скажетъ годъ кометы?
 Дастъ ли жизнь сердечнымъ снамъ
 И отгадку, и отвѣты
 Сердца тайнымъ голосамъ?

Эти черненькіе глазки
 Такъ умны и хороши,
 Въ нихъ такъ много дѣтской ласки,
 Вдохновенья и души, —

Что, любуясь въ нихъ разсвѣту
 Упоительной зари,
 Забываю про комету,
 Какъ она тамъ ни гори.

ПАМЯТНИКЪ

ПЕТРУ I-му ВЪ КАРЛСБАДѢ.

Великій Петръ! Твой каждый слѣдъ
 Для сердца Русскаго есть памятникъ священный—
 И здѣсь, средь гордыхъ скалъ, твой образъ незабвенный
 Встаётъ въ лучахъ любви, и славы, и побѣдъ.
 Намъ святы о тебѣ преданья вѣковыя;
 Жизнь Русская тобою еще озарена
 И памяти твоей, Великій Петръ, вѣрна
 Твоя великая Россія!

РУССКОЙ КРЫЛАТОЙ ДРУЖИНѢ.

Веселый кругъ счастливой молодежи,
 Красавицы! Изъ свѣжихъ розъ пригожій,
 Живой вѣнокъ! На праздникъ весны
 Младья гости съ ясной и безпечной
 Улыбкою, съ веселостью сердечной,
 Поручкою сердечной тишины!
 Свободныхъ птицъ крылатая дружина,
 Младая стая свѣтлыхъ, милыхъ сновъ,
 Жизнь, радость, блескъ, поэзія, картина,
 Волшебный міръ, міръ пѣсней, міръ цвѣтовъ!
 Давно-ль вы здѣсь играли шумно, пѣли
 И позабывъ что ихъ прошла пора,

Давно-ль при васъ здѣсь старцы молодѣли
 И нелюдима, мрачная хандра,
 Нечаянно и будто бы ошибкой,
 Дружилась вновь съ забытою улыбкой
 И любовалася сквозь сумракъ свой
 На ваши игры, рѣзвости и пляски,
 На блескъ лучей, на радужныя краски,
 Которыми сіялъ вашъ легкій рой
 И одѣвалъ дѣйствительность земную
 Въ сонъ наяву, въ поэзію живую?

И васъ ужъ нѣтъ! Карлсбадъ осиротѣлъ;
 Безъ васъ Карлсбадъ замокнулъ, опустѣлъ.
 Окрестныхъ горъ вершины и ущелья,
 Луга, лѣсовъ нѣмыя глубины
 Ужъ не звучать ни кликами веселья,
 Ни пѣснями родимой стороны:
 Про сѣверъ нашъ, про нашу Русь святую,
 Про дѣвицу, зазнобу молодца,
 Про колокольчикъ, тройку удалую,
 Про все, что въ васъ такъ шевелить сердца
 И сладостью, и радостью унылой,
 Когда вдали, на сторонѣ чужой,
 Откликнется намъ отголосокъ милой,
 Родная вѣсть изъ стороны родной.

Гдѣ вы теперь? Гдѣ празднуется младость,
 Крылатыхъ дней одушевленный Май?
 Гдѣ вамъ во слѣдъ благоухаетъ радость
 И жизнь кипитъ и брызжетъ черезъ край?
 Гдѣ хороводъ вашъ стройной цѣпью вьется?
 Гдѣ ваша пѣснь струею звонкой льется,
 Когда кругомъ ночь лунная нѣма
 И стелется серебряная тьма?
 Кто вашею улыбкой молодѣтъ?

Гдѣ, на кого отъ вашихъ крыльевъ вѣетъ
И прелестью, и свѣжестью весны?

О пользуйтесь порою мимолетной,
Пока вамъ снятся золотые сны,
Пока еще на жизни беззаботной
Не отразилась опытности тѣнь
И такъ еще безоблаченъ вашъ день;
Играйте жизнью, на лету ловите
Ее! Какъ вы, какъ радость—и она
Крылата! Въ даль съ волненьемъ не смотрите,
Любуйтесь тѣмъ, что вашихъ дней весна
Роскошно вамъ дарить съ такой любовью,
И, чуждая завѣтному условью:
За даръ судьбы, за легкокрылый сонъ,
Обдавшій душу сладкимъ упоеньемъ,
Платить тоской и позднимъ сожалѣньемъ
И счастья цвѣтъ сорвать, чтобъ тотчасъ онъ,
Утративъ запахъ свой и блескъ румяный,
Поблѣкъ въ рукѣ, коснувшейся къ нему.
Не знайте вы житейскіе обманы,
Знакомые и сердцу, и уму.
Будь молодость вамъ праздникъ ежедневный!
Вѣкъ золотой для васъ воскресни вновь
И внѣшній міръ, и міръ вамъ задушевный
Да охранить благихъ небесъ любовь!

А вѣшь поэтъ и хилой, и угрюмой,
Вамъ поднося такой же хилой стихъ,
Привѣтствуетъ васъ благодарной думой,
За то, что вы въ порывѣ игръ мздыхъ,
Когда васъ все влекло къ веселой цѣли,
Хандрѣ его сочувствовать умѣли
И угадать вамъ чуждую тоску,
И внять ея нѣмому языку.

Спасибо вамъ! средь шумнаго раздолья
 Къ недугамъ сердца жалость въ васъ чутка.
 Съ страдальцами вы—сестры сердоболья,
 Съ счастливыми вы—розы изъ вѣнка!

А вашъ Карлсбадъ! при васъ живая сцена,
 Гдѣ Петербургъ, Парижъ, Аѳины, Вѣна,
 Берлинъ и Лондонъ, все на русскій ладъ
 Вамъ вторили,—блестящій вашъ Карлсбадъ
 Теперь безъ васъ вновь обращенъ въ больницу
 Гдѣ, съ грустью помни прежнее житье,
 Шлосбрунна пьетъ соленую водицу
 За здравіе и ваше, и свое.

ВЕЧЕРНЯЯ ЗВѢЗДА.

Моя вечерняя звѣзда,
 Моя послѣдняя любовь!
 На вечеряющій мой день
 Отрады лучъ пролей ты вновь!

Порою невоздержныхъ лѣтъ
 Мы любимъ пылъ и блескъ срастей,
 Но полу-радость, полу-свѣтъ
 Намъ на закатъ дня милѣй.

ПОЗДРАВЛЕНІЕ.

Хотя съ заочнымъ поздравленьемъ,
 Но съ личной карточкой моею являюсь къ вамъ.
 Пусть будетъ мой портретъ вамъ вѣрнымъ выраженіемъ
 Того, что на лицо я выразилъ бы самъ.
 Примите мой привѣтъ сердечнаго участія,
 Молю, чтобъ Промысла васъ охраняла сѣнь,
 Чтобъ вы, достойныя и ясныхъ дней и счастья,
 Жизнь радостно прошли, какъ праздничный ея день.
 А тамъ, когда нибудь, когда мой путь увянетъ
 И мой портретъ одинъ останется по мнѣ,
 Пусть ласковая мысль при немъ меня помянетъ
 И мой отыщетъ слѣдъ въ Карлсбадской старинѣ.

КИССИНГЕНЪ.

I.

Я помню Киссингена тѣни,
 Его ключей цѣлебный даръ
 И горъ лѣсистыя ступени,
 Пріютъ прохлады въ знойный жаръ.

Я помню мирныя долины,
 Гдѣ волнъ житейскихъ тихнетъ шумъ,
 Поля и свѣжія картины,
 Такъ умиряющія умъ.

По рощамъ и лугамъ окрестнымъ
 Бродилъ я, волю давъ мечтѣ,
 Счастливымъ зрѣлищемъ прелестнымъ
 Природы въ лѣтней красотѣ.

Но изъ прогулокъ ежедневныхъ
 Одна была мнѣ всѣхъ милѣй;
 Струей сочувствій задушевныхъ
 Я по привычкѣ влекся къ ней.

Когда отъ скуки суетливой
 Просилось сердце отдохнуть,
 На рѣчку, къ мельницѣ красивой
 Оно указывало путь.

Тутъ все свѣжо, привольно, мило;
 Душѣ легко, просторъ кругомъ
 И счастье, будь не легкомыслие,
 Ему бы здѣсь зажить домкомъ.

Я погружался зрѣньемъ, слухомъ
 И въ бой колесъ, и въ плескъ воды,
 Посеребравшей нѣжнымъ пухомъ
 Кипучей влаги борозды.

Питалъ сей шумъ однообразный
 Мою задумчивую лѣнь
 И наносилъ на умъ мой праздный
 Крылатыхъ думъ лучи и тѣнь.

Тамъ мельникъ жилъ, почтенный старецъ,
 Не то что нашъ — колдунъ и свать,
 А простодушнѣйшій Баварецъ,
 Изъ Нѣмцевъ Нѣмецъ, ближнимъ братъ;

Заботливый, трудолюбивый,
 Въ желаньяхъ трезвый, какъ мудрецъ,
 Рабъ Господа благочестивый,
 Въ семьѣ—примѣрный мужъ-отецъ.

Крестомъ болѣзни отягченный,
 Онъ не терялъ душевныхъ силъ:
 Недугъ свой, труженикъ смиренный,
 Онъ Богу въ жертву приносилъ.

Работалъ онъ что было силы,
 Когда недугъ вздохнуть давалъ;
 Молился онъ за домъ свой милый,
 Когда недугъ одолевалъ.

Мы съ нимъ сроднились съ первой встрѣчи:
 Онъ былъ по мнѣ, я былъ по немъ;
 Обмѣномъ дружелюбной рѣчи
 Мы все сближались съ каждымъ днемъ.

Прошли года. Узрѣлъ я снова
 Давно знакомыя мѣста;
 Минувшихъ дней изъ-подъ покрова,
 Мнѣ вновь сказалась красота.

Спѣшилъ я къ мельницѣ. . . все та же
 И тотъ же звучныхъ волнъ привѣтъ.
 И тотъ же вѣрный пѣсъ на стражѣ,
 А друга-мельника ужъ нѣтъ.

Господь послалъ конецъ страданьямъ.
 Раба онъ съ миромъ отпустилъ
 И, вмалѣ вѣрный, съ упованьемъ,
 Съ семьей простясь, онъ опочилъ.

Вздохнулъ я надъ сырой могилой,
Гдѣ спитъ онъ, мой минутный братъ;
Воззвалъ я: «Господи помилуй!
«И мой конецъ будь тихъ и святъ!»

II.

Другимъ видѣньемъ умъ мой занять,
Другихъ сочувствій голоса
Меня зовутъ и снова манять
Въ тотъ край, подъ тѣ же небеса.

И Киссингенъ во блескъ новомъ
Рисуется моимъ мечтамъ:
Воображеньемъ, чувствомъ, словомъ,
Молитвой, пѣснью—весь я тамъ.

Заботливымъ, сердечнымъ окомъ
За нею мысленно слѣжу;
За нею я, въ краю далекомъ,
Мечтой, послушной ей, брожу.

И вижу я, восторга полный,
Какъ всѣ ей дань любви несутъ,
Какъ всѣхъ племенъ живыя волны,
Ласкаясь къ ней, ей пѣснь поютъ.

Она средь избранныхъ замѣтна,
Сіяньемъ внутреннимъ свѣтла
И увлекательно прिवѣтна,
И повелительно мила.

Не ослѣпляя багрянницей
И снявъ съ чела златой вѣнецъ,
Она въ толпѣ глядитъ царицей
И самодержицей сердець.

Но упоеньями величья
Душа не обольстилась въ ней;
Не для нея судьбы отличья
И власти блескъ, и блескъ честей.

Она досугъ и сумракъ любить;
Въ невозмущаемой тиши
Она лелѣетъ и голубить
Святые помыслы души.

На лонѣ мира и свободы
Жить любить чувствомъ и умомъ;
Таинственный языкъ природы
Ей по сочувствіямъ знакомъ.

Она любитъся и нивой
Въ сѣяны жатвы золотой,
И рѣчкой съ мельницей красивой,
И рощи свѣжей темнотой.

О, будьте къ ней вы благосклонны,
Вы, живоносные ключи,
Долина, воздухъ благовонный
И тѣнь лѣсовъ, и дня лучи,

Лазурь въ струящемся эфирѣ,
Ночей покой и темнота
И все, и все, что въ Божьемъ мірѣ—
Согласье, благость, красота!

Въ все пролейте жизни силу,
 Навѣйте здравья благодать,
 Чтобъ милыхъ дней ея свѣтилу
 Всегда безоблачно сіять.

САМОВАРЪ.

(Семейству И. И. Фбри.)

„Отечества и дымъ намъ сладокъ и пріятенъ.“

Державинъ.

Пріятно находить, попавшись на чужбину,
 Родныхъ обычаевъ знакомую картину,
 Домашнюю хлѣбъ-соль, гостепріимный кровъ
 И стѣнь, святую стѣнь отеческихъ боговъ, —
 Душѣ затертой льдомъ въ холодномъ морѣ свѣта,
 Гдѣ на родной вопросъ роднаго нѣтъ отвѣта,
 Гдѣ жизнь обрядныхъ словъ одинъ пустой обмѣнъ,
 Гдѣ ты вездѣ чужой, у всѣхъ — monsieur N. N.
 У тихой пристани пріятно отогрѣться
 И въ лица ближнія довѣрчиво всмотрѣться,
 И въ рѣчи вслушаться, въ которыхъ что-то есть
 Знакомое душѣ — и дней прошедшихъ вѣсть.

Дни странника листамъ разрозненнымъ подобны:
 Ихъ разрываетъ духъ насмѣшливый и злобный;
 Нѣтъ связи: съ каждымъ днемъ все съизнова живи,
 А жизнь и хороша преданьями любви,

Сродствомъ повѣрій, чувствъ, созвучьемъ впечатлѣній
 И милой давностью привычныхъ отношеній.
 Въ насъ умъ — космополитъ, но сердце — домосѣдъ:
 Прокладывать всегда онъ любить новый слѣдъ
 И радости свои всѣ въ будущемъ имѣть;
 Но сердце старыми мечтами молодѣть,
 Но сердце старыми привычками живеть
 И радостнѣй въ тѣни прошедшаго цвѣтеть!
 О, будь благословенъ, кровь свѣтлый и пріютный,
 Подъ коимъ какъ родной былъ принять гость минутный,
 Гдѣ беззаботно могъ онъ сердце развернуть
 И сиротство свое на время обмануть!
 Гдѣ любовался онъ съ сознаньемъ и участиемъ
 Семейства милаго согласіемъ и счастьемъ
 И видѣлъ, какъ цвѣтутъ въ безоблачной тиши
 Младья радости родительской души.
 Оттѣнки нѣжные и сѣвера, и юга,
 Различьемъ прелестей и сходствомъ другъ на друга
 Онъ любовь семьи и дому красота.
Одна — таинственна, какъ тихая мечта,
 Иль ангелъ, облакомъ себя полузакрывшій,
 Когда, ко праху взоръ и крылья опустивши,
 На рубежѣ земли и неба онъ стоитъ
 И бѣдствіямъ земнымъ сочувствуя, грустить.
 И много прелести въ задумчивости нѣжной,
 Въ сей ясности средь бурь житейскихъ безмятежной
 И въ чистой кротости, которыми она,
 Какъ тихимъ заревомъ, тепло озарена!
Другая, — радостно въ грядущее вступая
 И знающая жизнь по первымъ утратамъ мая,
 На праздникъ весны въ сѣньи молодомъ
 Свѣжѣтъ розою и вѣется мотылькомъ.
А третья, — младшій цвѣтъ на отрасли семейной,
 Пока еще въ тѣни прелестью келейной
 Растеть и на сестеръ догадливо смотря,
 Ждетъ, скоро ль свѣтлымъ днемъ взойдетъ ея заря?

У васъ по Русски здѣсь—тепло и хлѣбосольно
 И чувству, и уму просторво и привольно;
 Не дуется холодомъ ни въ душу, ни въ плеча:
 И сердце горячо, и печка горяча.
 Хоть вы причислены къ Германскому Союзу,
 Германской чинности вы сбросили обузу.
 За столъ не по чинамъ садитесь, а притомъ
 И лишній гость у васъ не лишній за столомъ.
 Свобода—вотъ законъ домашняго устава:
 Охота есть—болтай! и краснобаю—слава!
 На умъ ли лѣнь найдетъ—нѣмымъ себѣ сиди
 И за словомъ въ карманъ насильно не ходи!
 Вотъ день кончается въ весельяхъ и заботахъ,
 Пробилъ девятый часъ на франкфуртскихъ воротахъ:
 Нѣмецкой публики восторгъ весь истощивъ,
 Пропѣла Лѣве ей послѣдній свой мотивъ;
 Ужъ пламенный Дюранъ оставилъ поле брани,
 Гдѣ, рыцарь классиковъ, сражался онъ съ Германи;
 И пиво осушивъ, и выкуривъ табакъ,
 Ужъ Франкфуртъ, притаясь, надѣлъ ночной колпакъ.
 Но насъ еще влечетъ какой-то силой тайной
 Въ знакомый тотъ пріютъ, гдѣ съ лаской обычайной
 Вокругъ стола насъ ждетъ любезная семья.
 Я этотъ часъ люблю,—едва ль не лучшій дня,
 Часъ поэтической средь прозы черствыхъ сутокъ,
 Сердечной жизни часъ, веселый промежутокъ
 Между трудомъ дневнымъ и ночи мертвымъ спомъ.
 Всѣ счеты сведены, — въ придачу мы живемъ;
 Заботъ житейскихъ нѣтъ, какъ будто не бывало:
Сегодня съ плечъ слегло, а *завтра* не настало.
 Часъ дружескихъ бесѣдъ у чайнаго стола!
 Хозяйкѣ молодой и честь, и похвала!
 По православному, не на манеръ нѣмецкій,
 Не жидкій, какъ вода, или напитокъ дѣтскій,—
 Но Русью вѣющій, но сочный, но густой,
 Душистый льется чай янтарною струей.

Прекрасно!.... По одинъ встрѣчаю недостатокъ:
 Нѣтъ, быта Русскаго неполонъ отпечатокъ.
 Гдѣ жъ самоваръ родной, семейный нашъ очагъ,
 Семейный нашъ алтарь, ковчегъ домашнихъ благъ?
 Въ немъ льются и кипятъ всѣхъ нашихъ дней преданья,
 Въ немъ Русской старины живутъ воспоминанья;
 Онъ уцѣлѣлъ одинъ въ обломкахъ прежнихъ лѣтъ
 И къ внукамъ перешелъ неугасимый дѣдъ.
 Онъ Русскій *рококо*, нестройный, неуклюжій,
 Но внутренно хорошъ, хоть не красивъ снаружи;
 Онъ лучше держитъ жаръ и подъ его шумокъ
 Кипитъ и разговоръ, какъ приткій кипятокъ.
 Какъ много тайныхъ главъ романовъ ежедневныхъ,
 Животрепещущихъ романовъ, задушевныхъ,
 Которыхъ въ книгахъ нѣтъ—какъ сладко ни пиши!
 Какъ много чистыхъ сновъ дѣвической души
 И нѣжныхъ ссоръ любви, и примиреній нѣжныхъ,
 И тихихъ радостей, и сладостно-мятежныхъ—
 При пламени его украдкою зажглось
 И съ облакомъ паровъ незримо разнеслось!
 Гдѣ только водятся домашніе пенаты,
 Отъ золотыхъ палатъ и до смиренной хаты,
 Гдѣ мѣдный самоваръ, наслѣдство сироты,
 Вдовы послѣдній грошъ и роскошь нищеты,—
 Повсюду на Руси святой и православной
 Семейныхъ сборовъ онъ всегда участникъ главной.
 Нельзя родиться въ свѣтъ, ни въ бракъ вступить нельзя,
 Ни «здравствуй!» ни «прощай!» не вымолвить друзья,
 Чтобъ, всѣхъ житейскихъ дѣлъ конецъ или начало,
 Кипучій самоваръ, домашній запѣвало,
 Не подалъ голоса и не созвалъ семьи.

.
 Поэтъ сказалъ—и стихъ его для насъ понятенъ:
 «Отечества и дымъ намъ сладокъ и пріятенъ!»
 Не самоваромъ ли—сомнѣнья въ этомъ нѣтъ—
 Былъ вдохновенъ тогда великій нашъ поэтъ?

И тѣнь Державина, здѣсь сѣтуя со мною,
 Къ вамъ обращается съ упрекомъ и мольбою
 И просить, въ честь ему и православыю въ честь:
 Канфорку бросить прочь, и—самоваръ завести.

БѢДНЫЙ РОТШИЛЬДЪ!

Ротшильдъ, бѣдный Ротшильдъ, миллионщикъ бѣдной!
 Точно такъ же умеръ въ золотѣ и ты,
 Какъ умереть поденщикъ, изъ-за лепты мѣдной
 Изнурявшій силы, жертва нищеты.

Въ изобиліи счастья, въ нѣгѣ ты купался,
 На тебя, счастливца, любовались мы:
 Королемъ червоннымъ міру ты являлся
 И давалъ червонцы королямъ взаймы,

Всѣ твои богатства, миллионы цѣлы,
 Но ихъ пѣснью звонкой ужъ не ты воспѣтъ
 И твой домъ роскошный, нынѣ опустѣлый,
 Возглашаетъ грустно—суету суеты!

Пышнаго владѣльца выжили чертоги,
 Перешелъ онъ скромно въ общій всѣмъ покой,
 Гдѣ съ великолѣпнымъ Крезомъ—Пръ убогій
 Тлѣютъ безразлично подъ сырой землей.

Съ скорбью я увидѣлъ домъ твой—храмъ богатства,
 Гдѣ гостепріимно насъ ты угощалъ,
 Гдѣ на пиръ Лукулловъ выписныя яства
 Ты съ концовъ всемірныхъ щедро собиралъ.

Садъ твой зеленѣетъ тѣнью благосклонной,
 Въ немъ цвѣты какъ прежде радостно цвѣтутъ,
 Нѣгой майской дышетъ воздухъ благовонной
 И на вѣткахъ розы соловьи поютъ.

Но ужъ ты не внемлешь пѣснямъ голосистымъ;
 Розы,—ихъ взлелѣялъ ты своей рукой,—
 Но улыбкой свѣжей, вниманіемъ чистымъ
 Пережить дано имъ жребій твой земной.

Всей природы роскошь, всѣ мірскія блага
 Ласково радѣли о твоей судьбѣ,
 Но часъ смерти лютой, но Дамокла шпага
 Пугаломъ висѣли также на тебѣ.

Вѣрю, что прощаясь съ тѣмъ, что смертнымъ мило,
 Могъ ты на разстаньи горестно вздохнуть
 И съ дороги свѣтлой тяжело, тяжело было
 На проселокъ темный круто повернуть.

Знаю, вамъ счастливымъ, богачамъ-верблюдамъ,
 Сквозь ушко иголки мудрено пройти,
 Но ты ни таланты не держалъ подъ спудомъ,
 Ни отъ нищей братьи домъ на заперти.

Въ вѣкъ нашъ златожадный, барышу послушный,
 Биржу—вавилонскій столпъ и ты сложилъ,
 Но смиренный въ счастья, нравомъ простодушный,
 Ты не корчилъ знати, хоть и Ротшильдъ былъ.

Да проститъ богатство Богъ тебѣ! а люди
 Скажутъ съ умиленіемъ по твоимъ слѣдамъ:
 «Памятью сердечной ты помянуть буди
 «И служи примѣромъ прочимъ богачамъ.»

БАДЕНЪ-БАДЕНЪ.

Люблю васъ, Баденскія тѣни,
 Когда чуть явится весна
 И мать сердечныхъ сновъ и лѣни,
 Еще въ васъ дремлетъ тишина;

Когда вы скромно и безлюдно
 Своей красою хороши
 И жизнь лелѣютъ обоудно —
 Природы миръ и миръ души.

Кругомъ благоухаетъ радость
 И средь улыбчивыхъ картинъ
 Зеленыхъ рощей блещетъ младость
 Въ виду развалинъ и сѣдинъ.

Теперь досужно и свободно
 Прогулкамъ, чтенью и мечтамъ:
 Иди—куда глазамъ угодно
 И дѣлай, что захочешь самъ.

Уму легко теперь—и груди
 Дышать просторно и свѣжо;
 А все испортятъ эти люди,
 Которые придутъ ужь.

Тогда Парижъ и Лондонъ рыжій,
 Капернаумъ и Вавилонъ,
 На Баденъ мой направивъ лыжи,
 Тѣснятъ его со всѣхъ сторонъ.

Тогда отъ Сены, Темзы, Тибра,
 Нахлынетъ стокомъ мутныхъ водъ
 Разнонароднаго казибра
 Праздношатающійся сбродъ:

Дюшессы, виконтессы, леди,
 Гуртъ мордовъ тучныхъ и сухихъ,
 Маркизь Г***, принцеса В***, —
 А лучше и не вѣдать ихъ;

И кавалеры-апокрифы
 Собственноручныхъ орденовъ,
 И гофъ-кикиморы и миѡы
 Мнѡлогическихъ дворовъ;

И рыцари слѣпой рулетки
 За сборомъ золотыхъ крупницъ,
 Сукна зеленого насѣдки,
 Въ надеждѣ золотыхъ яицъ;

Фортуны олухи и плуты,
 Карикатуръ различныхъ смѣсь:
 Здѣсь—важностью пузырь надутый,
 Тамъ—накрахмаленная спѣсь.

Вотъ знатю такъ и пышетъ личность,
 А если ближе разберешь:
 Вся эта личность и наличность
 И мѣдный лобъ, и мѣдный грошъ.

Вотъ разрумяненные львицы
 И львы съ козлиной бородой.
 Вотъ доморощенные птицы
 И клевъ орлиный наклейной;

Давно извѣстныя кокетки,
Здѣсь выставлющія вновь
Свои прорвавшіяся сѣтки
И допотопную любовь.

Всѣхъ бывшихъ мятежей потомки,
Отцы всѣхъ мятежей другихъ,
Отъ разныхъ барикадъ обломки
Булыжныхъ буйныхъ мостовыхъ.

Всѣ залежавшіяся въ лавкѣ
Невѣсты, славы и умы,
Всѣ знаменитости въ отставкѣ,
Всѣ соискатели тюрьмы.

И Бадень мой, гдѣ я, какъ инокъ,
Весь въ созерцанье погружень,
Ужъ завтра будетъ—шумный рынокъ,
Домъ сумасшедшихъ и притонъ.

БАДЕНСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

Ужъ если умереть мнѣ на чужбинѣ,
Такъ лучше здѣсь, въ виду родныхъ могилъ:
Здѣсь я нашелъ чѣмъ скорбь жила донинѣ,
Здѣсь я не разъ заочно слезы лилъ.
Привѣтствію знакомой грусти внемлю:
Здѣсь вчужѣ я ужъ дважды умиралъ;
Въ сокровищахъ, зарытыхъ смертью въ землю,
Поль-сердца я остатки отыскалъ.

Здѣсь въ цвѣтѣ дней томилось и страдало
 Созданье милое,—надеждъ моихъ,
 Заботъ моихъ святыня и начало;
 Здѣсь свѣтлый призракъ радостей земныхъ
 Въ глазахъ ея угасъ, едва успѣла
 Она ихъ разглядѣть и полюбить,
 Душой едва для бытія созрѣла
 И начала умомъ и чувствомъ жить.
 И милый прахъ, заброшенный далеко
 Отъ теплаго сочувствія сердецъ,
 Здѣсь сиротѣть грустно, одиноко,
 Между чужими прахами пришлецъ.
 Сдается мнѣ, онъ жалобою нѣжной
 Зоветь меня, тоскуя въ тишинѣ
 И мѣсто въ сей долинѣ безмятежной
 Онъ близъ себя указываетъ мнѣ.

Души моей другое достоянье,
 Мой старшій другъ, котораго пріязнь,
 Какъ совѣсть, мнѣ была—добра сознанье
 И недостойнаго всего боязнь,
 Который на меня свой отблескъ пролилъ,
 Которымъ я и гордъ, и счастливъ былъ,
 Онъ здѣсь уснулъ: здѣсь Промыслъ соизволилъ,
 Чтобъ свѣтлый ангелъ старцу гробъ раскрылъ.
 И лебединой пѣсню жизни стройной
 Была его кончина. Онъ угасъ,
 Какъ жилъ. Съ молитвой и душой спокойной,
 Какъ праведникъ, онъ встрѣтилъ смерти часъ.
 Онъ ждалъ меня, какъ будто въ немъ прозрѣло
 Предчувствіе, что смерть его близка:
 Пока въ немъ чувство не оледенѣло,
 Пожать мою рвалась его рука.
 Къ нему и я летѣлъ душою жадной;
 Но не сподобился увидѣть я,

Какъ онъ въ краѣ торжественно-отрадной
 Сверхалъ послѣдній подвигъ бытія.
 Безоблачно, въ тиши благоуханной
 День жизни догоралъ: и новый день,
 Безсмертный день, зарей обѣтованной
 Надъ нимъ всходилъ.
 Какъ заревоу зажглось его чело
 И душу принявъ съ братскимъ лобызаньемъ
 Посланникъ Божій на свое крыло.
 Взлетѣлъ горѣ посланникъ среброкрылой
 И съ быстротой небеснаго гонца,
 Онъ долетѣлъ съ своею ношей милой
 Въ объятія Владыки и Отца.

НѢМЕЦКАЯ ПРИРОДА.

Люблю нѣмецкую природу,
 Она красива и скромна:
 Туристамъ записнымъ въ угоду
 Не на показъ глядитъ она.

Въ ней все уживчиво-сподручно,
 Все такъ *gemutlich*-свѣтло;
 Все обстоитъ благополучно
 И въ колею свою вошло.

Она не поражаетъ взоры
 И не приводитъ насъ въ испугъ,
 Съ Швейцаріей не лѣзетъ въ горы
 И не изнѣжена какъ югъ.

Не холодно въ ней и не душно:
 Во всемъ умѣренность храня,
 Она дарить насъ простодушно
 Чѣмъ можетъ, на потребу дня.

Рукой хозяйки домовитой
 Здѣсь все прилажено умно:
 И наслажденье не забыто,
 Но польза не въ накладе оно.

Обильно съ розой ароматной
 Янтарный виноградъ растетъ,
 А ужъ картофель благодатной —
 Такъ самъ собой и лѣзетъ въ ротъ.

Златой посредственности царство!
 Къ нему Господь благоволитъ;
 Она не чернь, она не барство,
 А *бютиршафта* средній быть.

Любуясь жизнью и счастлива,
 Какъ добрый нѣмецъ, безъ заботъ,
 Она себѣ, за кружкой пива,
 «Du lieber Augustin» поетъ.

Легко здѣсь жить съ природой дружно;
 Но вотъ въ чемъ трудность и напасть:
 Переродиться въ нѣмца нужно,
 Чтобъ на нѣмецкій ладъ попасть.

РЕЙНЪ.

Рейнъ, старецъ всегда моложавый,
 Кормилецъ германскихъ племень!
 Плачь бѣдствій и оклики славы
 Слыхалъ ты въ теченіи временъ.

Мечами твой берегъ межуя,
 Твой славный рубежъ возлюбя
 И алчно другъ друга ревнуя,
 Владыки дрались за тебя.

Побѣда мѣнялась—и каждой,
 Гордяся побѣдой въ бою,
 Съ конемъ, разгорѣвшимся жаждой,
 Кидался въ прохладу твою.

Торжественной былъ ты купелью
 Вождю и могучимъ полкамъ;
 Ихъ станъ предавался веселью
 И горе вамъ,—павшимъ врагамъ!

Но тщетны житейскія грозы:
 Съ любовью хранятъ небеса
 Твои виноградныя лозы,
 Привѣтныя тѣнью лѣса,

Долины, одѣтыя нѣжной
 И нестрою тканью цвѣтовъ
 И горы, и поясъ прибрежной
 Твоихъ плодоносныхъ садовъ.

Внушенью природы послушной,
 Роскошно обнявъ берега,
 Поилъ ты волной равнодушной
 И семью свою, и врага.

Издревле вы были въ почетѣ,
 Зеленаго Рейна струи:
 И Клопштокъ, и Шиллеръ, и Гёте
 Пѣвали вамъ пѣсни свои.

Они и свой трудъ, и печали
 Сложивъ на стеклянное дно,
 Изъ рюмокъ зеленыхъ пивали
 Зеленое ваше вино.

Ихъ пѣсни, съ волнами созвучно
 Сливаясь въ пѣсню одну,
 Въ германскихъ сердцахъ неразлучно
 Ласкають родную струну.

Рейнъ, — темныхъ преданій зеркало,
 Живой, неумолкный рассказъ
 О томъ, что когда то бывало
 И скрылось на вѣки изъ глазъ:

О рыцаряхъ, нравомъ суровыхъ,
 Всегда кровожадныхъ на мечь,
 Но жертвовать жизнью готовыхъ
 За взглядъ красоты и за честь.

Здѣсь ратныя игры, турниры
 Сквозь сумракъ мерещутся вновь;
 На пиришествахъ арфы и лиры
 Поютъ красоту и любовь.

Въ награду счастливому барду,
 Который пѣвцовъ побѣдитъ,
 Съ груди дорогую кокарду
 Царица турнира даритъ.

Изъ мрака и пепла развалинъ
 Стрѣльчатые замки встаютъ;
 Ихъ видъ и суровъ, и печаленъ,
 Но страсти и въ нихъ есть пріютъ.

Любовь и восторги, и грёзы
 Кипѣли здѣсь въ юныхъ сердцахъ;
 То счастьемъ повѣсть на слёзы,
 То счастье угаснетъ въ слезахъ.

У грознаго мужа подъ властью
 Младая рабыня-жена,
 Томясь потаенною страстью,
 Въ полночь стоитъ у окна;

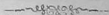
И вспыхнетъ, и вздрогнетъ молодка,
 Когда на рѣкѣ ей сквозь мракъ
 Проглянетъ знакомая лодка
 И дастся условленный знакъ.

Минуя опасную стражу,
 (Путь женскому сердцу преградъ!)
 Довѣрившись вѣрному пажу,
 Красавица крадется въ садъ.

За прелесть, за радость свиданья,
 За нѣгу сердечнаго сна,
 Быть можетъ, годами страданья,
 Иль жизнью заплатитъ она.

Но страхъ, но блаженства непрочность,
Святой, цѣломудренный стыдъ
И чистой души непорочность—
Забыты, . . . весь міръ позабыть!

Слѣды тѣхъ событій простыли,
Но въ каждомъ плесканьи волны
Намъ слышны легенды и были
Отжившей твоей старины.

ОТДѢЛЪ IV.

ШВЕЙЦАРІЯ.

НА БЕРЕГУ ЛЕМАНСКАГО ОЗЕРА.

Прозрачный Леманъ зеркальной равниной
Раскинулся подъ зеркаломъ небесъ;
Картина здѣсь смѣняется картиной,
Природа здѣсь храмъ творческихъ чудесъ.

Надъ озеромъ оградой прибрежной
Громады горъ сомкнулись и срослись
И царственно надъ діадемой снѣжной
Свѣтлѣть ихъ надоблачная высь.

И тянутся воздушныя твердыни!
И каждая имѣть образъ свой:
То куполомъ подъемаясь въ воздухъ синій,
То башнею зубчатой и крутой.

По ребрамъ горъ, межъ небомъ и землею,
Какъ гнѣзда, смѣло лѣпятся дома;
У ногъ—весна съ цвѣтущей красотою,
Надъ головой—суровая зима.

Здѣсь странника привѣтствуетъ улыбкой
 Сель миловидныхъ живописный рядъ,
 Сады, дуга съ стадами ихъ—и гибкой,
 По скатамъ горъ ползущій виноградъ.

Здѣсь дышетъ все невинностью, свободой,
 Радущіемъ, довольствомъ, тишиной;
 Здѣсь человѣкъ сближается съ природой
 И радъ забыть страстей житейскихъ бой.

Вевѣ, Монтрѣ, Кларанъ, тюрьма Шильона!
 Поэзіей любимыя мѣста!
 Изъ вашего таинственнаго лона
 Преданья черплетъ жадная мечта.

Знакомыя ей здѣсь витають тѣни
 И шепчуть ей завѣтныя слова;
 Знакомою намъ жизнью дышать сѣни;
 Здѣсь живъ Сень-Прѣ, здѣсь Юлія жива.

Мы снамъ даемъ и плоть и голосъ были;
 Ихъ баснословный міръ въ насъ уцѣлѣлъ
 И вымысла событія пережили
 Дѣйствительность и славу громкихъ дѣлъ.

Не говори, разсудокъ: «это сказки!»
 Не обличай ты суевѣрія въ насъ!
 На зло тебѣ, не стерлись эти краски
 И призраковъ міръ свѣтлый не угасъ!

Что душу разъ согрѣло умиленьемъ,
 То навсегда сочувственно любви—
 И вѣримъ мы, и плачемъ съ убѣжденьемъ,
 Хоть слезы тѣ ребячествомъ зови.

Тотъ близокъ намъ, сквозь гробъ и сумракъ дальній,
 Кто новый міръ предъ нами растворилъ,
 Кто насъ съ собою увлекъ въ міръ идеальный,
 Который онъ мечтами населилъ.

Созданьямъ мысли нѣтъ могилъ, ни тлѣнья:
 Безсмертіемъ души живутъ они:
 Красуются цвѣты воображенья,
 И въ поздніе благоухая дни.

Великъ сей даръ, вамъ свыше вдохновенной,—
 Вамъ, избраннымъ поэтамъ и жрецамъ!
 Но предъ красой природы неизмѣнной
 Нѣтъ мѣста скуднымъ смертнаго словамъ.

Другіе здѣсь глаголы возвыщаютъ
 Могущество и благодать Творца;
 Имъ съ трепетомъ и радостью внимаютъ
 Суровый умъ и свѣжія сердца.

Смотрите здѣсь,—какъ при дневномъ закатѣ,
 Пріемля солнца предпоследній лучъ
 Вершины горъ, всѣ въ пурпуръ и въ златъ,
 Горятъ въ дыму воспламененныхъ тучъ.

Алѣетъ зыбь рѣдѣющаго пара
 И берегъ весь, съ стѣною гордыхъ скалъ,
 Подъ заревомъ небеснаго пожара
 Заискрился, зардѣлъ, затрепеталъ.

Въ глубь озера, облиатаго сіяньемъ,
 Спускается багровый солнца ликъ
 И полонъ міръ торжественнымъ вниманьемъ,
 И ангеловъ вечернихъ сходитъ ликъ.

Земля свое дыханье притаила
И ждетъ. Дневной тревоги шумъ утихъ
На небесахъ заглясь паникадила
И чудный міръ воспринялъ въ блескъ ихъ.

Міръ ночи! Міръ таинственности полный!
Пріемлетъ все особый видъ и цвѣтъ:
И озера улегшіяся волны,
И темныхъ горъ разрѣзы и хребетъ.

Пучина звѣздъ слилась съ ночной пучиной:
Необозримость—свыше и кругомъ!
И человекъ предъ чудною картиной
Молчать, смирять и сердцемъ, и умомъ.

ЛЕМАНЪ.

Нѣтъ, не ищи другой картины
Прекраснѣй въ міръ не сыскать!
Здѣсь на цвѣтуція долины
Нисходитъ Божья благодать;
Подножьемъ звѣзднаго престола
Крутыя скалы возстаютъ;
Увиты тучами ихъ чела,—
Орловъ и снѣжныхъ бурь пріютъ.

Какъ живописно-величавы
Обвалы, гребни острыхъ стрѣлъ!
Красой могущества и славы
Всевышній ихъ запечатлѣлъ.
Одна другой въ эфирѣ краше
Снуетъ стрѣльчатый свой узоръ;
Здѣсь озеро свѣтлѣетъ въ чашѣ,
Ему изсѣченной изъ горъ.

Въ лазури зеркально-струистой
 Купается лазурь небесъ;
 Здѣсь дышешь свѣжестью душистой
 Въ зеленомъ сумракѣ древесъ.
 И стада звонки, и по ущелью
 Потока падающій шумъ,
 Какъ пѣнь надъ дѣтской колыбелью,
 Въ дремоту погружаютъ умъ.

Здѣсь улыбается природа
 И блещетъ дивной красотой;
 День яркій съ голубаго свода
 На землю льетъ свой блескъ и зной,—
 Иль ночью лунное сіянье
 Сребромъ пересѣкаетъ тѣнь:
 Все прелесть! все очарованье!
 Волшебна ночь! волшебенъ день!

Но отъ чего-жъ,—какъ ни пригожи
 Картины горъ, долинъ, лѣсовъ,
 Какъ ни щедрѣлъ Промыслъ Божій
 Благословенныхъ береговъ,—
 Здѣсь часто сердце въ насъ тоскуетъ,
 Скучая зрѣлищемъ красотъ?
 Но отъ чего-жъ насъ грусть волнуетъ
 И любоваться не даетъ?

Тоска неодолимой силой
 Уноситъ насъ изъ здѣшнихъ мѣстъ
 Въ священный край Россіи милой,
 Гдѣ братьямъ посланъ тяжкій крестъ.
 Тамъ грозно свирѣпѣютъ битвы,
 Тамъ льется намъ родная кровь!
 Тамъ наши слезы и молитвы,
 Скорбь, упованье и любовь!

Сочувствій тихихъ и свободныхъ
 Въ насъ къ красотамъ природы вѣтъ:
 Картиной доблестей народныхъ
 Нашъ духъ взволнованъ и согрѣтъ.
 Горитъ любовью та картина!
 Тамъ отъ дворца до шалаша:
 Царь и народъ—одна дружина,
 Народъ и Царь—одна душа!

Кровавымъ, огненнымъ потокомъ
 Враговъ нахлынула орда;
 Они клянутся лже-пророкомъ:
 Во прахъ низвергнуть города,
 Сломить могучую державу,
 Пресѣчь преданій славныхъ нить
 И нашу родовую славу
 Своей пятою заклеить.

Тамъ, свыше призванная къ бою,
 Въ день испытанья и суда,
 Россія борется съ враждою,
 Но въ бурю—совѣстью тверда;
 Такъ, крѣпкій вѣрой въ провидѣнье,
 Ждетъ бодро мученикъ-боецъ:
 Пошлетъ ли Богъ ему спасенье,
 Или страдальческій вѣнецъ?

Вотъ отъ чего,—какъ благодать Бога
 Здѣсь ни щедра и велика,—
 Въ насъ бури внутренней тревога
 На сердце гонить облака.
 Вотще подъ праздничной одеждой
 Земля зоветъ на праздникъ свой:
 Волнуясь страхомъ и надеждой,
 Мы вѣсти ждемъ съ земли родной.

Дождемся ль благодатной вѣсти,
 Иль новой раной грудь замретъ?
 Иль новой жертвой, витязь чести,
 Стѣнь Севастопольскихъ оплотъ,
 Другъ черноморскихъ старожиловъ,
 Нашъ свѣтлый лучъ подъ тучей стрѣль,
 Погибъ въ бою другой Корниловъ
 И русскій станъ осиротѣлъ?

Тревожить душу неизвѣстность;
 Страхъ, потаенная тоска
 На свѣтлый день, на всю окрестность
 Наводятъ мракъ и облака.
 Ни блескъ долинъ, ни Леманъ синій
 Не въ силахъ скорби обмануть:
 Тѣнь Севастопольской твердыни
 Ложится саваномъ на грудь.

МОЯ КОМНАТА ВЪ ВЕВЁ.

И мой землякъ здѣсь жилъ: оставилъ
 Свое онъ имя на стеклѣ,
 Какъ должно, съ соблюденьемъ правилъ
 Туриста по чужой землѣ.

Не чуждо имя то поэтамъ:
 Его въ журналахъ я встрѣчалъ —
 И въ производствахъ по газетамъ
 Въ чиновномъ мірѣ замѣчалъ.

Поэтъ ли былъ, иль былъ чиновникъ
Здѣсь по болѣзни въ отпуску?
Природы ль пламенный любовникъ,
Питавшій тайную тоску?

Онъ любовался ли картиной,
Какъ я люблюсь изъ окна—
Горь разноцвѣтною вершиной,
Когда затеплится она,

Иль заревомъ пожарнымъ вспыхнетъ?
Иль бурей Леманъ задрожитъ,
Иль вновь уляжется, утихнетъ
И на зеркальномъ ложѣ спитъ?

Писалъ ли онъ въ углу пріютномъ, —
Какъ разразился грѣшный азъ,
Въ своей горячкѣ, поминутнымъ
Потокомъ риѣмъ и мѣрныхъ фразъ?

Онъ романическія бредни
Читалъ ли съ жадностью, какъ я
Старье Жанъ-Жаково намедни
Читалъ, дыханье притая,

И въ сердцѣ молодыя слезы,
Какъ въ безднѣ жемчугъ, отыскалъ,
И я—въ лѣтахъ почтенной прозы—
Архивнымъ юношей рыдалъ.

Мой другъ Сень-Прё—о томъ ни слова—
Подъ часъ тяжелъ и безтолковъ
И героиня безтолкова—
И въ томъ сознаться я готовъ.

Но что за жизнь въ волшебномъ слогѣ!
Тревогу сердца слышишь ты,
Въ описанной перомъ тревогѣ
И страсти вопль—въ игрѣ мечты.

Но кто бъ ты ни былъ, мой предмѣстникъ:
Въ судѣ ли ты блюдешь законъ,
Иль волнрыхъ музъ ты вольный крестникъ —
Прими, мой дружескій поклонъ!

Когда же, при январской стужѣ,
Ты въ комнатѣ своей дрожалъ,
Такъ знай—терплю я участь ту же
И я въ свойство къ тебѣ попалъ.

Наѣродословную науку
Есть ссылка у мена своя:
Ты—*Ознобишинъ*; дай-же руку;
Повѣрь—здѣсь не *Тепловъ* и я.

Въ садахъ полуденнаго края
Ознобъ меня съ тобой сроднилъ;
Здѣсь, рѣмы къ рѣмамъ подбирая,
Смотри: я пальцы ознобилъ.

ГОРЫ ПОДЪ СНѢГОМЪ,

Блестать серебрянныя горы
И отчеканились на нихъ
Разнообразные узоры
Изъ арабесковъ снѣговыхъ.

Здѣсь серебра живаго груды;
 Здѣсь, неподдѣльной красоты,
 На пиршествѣ земномъ сосуды—
 Огромно-чудной высоты.

Своею выставкой богата
 Неистощимая земля:
 Здѣсь грановитая палата
 Нерукотворнаго Кремля.

ПРОГУЛКА.

Въ лонѣ озера безструйнаго
 И прозрачно-неподвижнаго
 Отражаясь, горы свѣтлыя
 Головой своею снѣжною
 Окунулись въ глубину.

Тамъ, на озерѣ бѣлѣются
 Паруса въ воздушной ясности;
 Лодка, къ озеру прильнувшая,
 На водѣ стоитъ незыблемо,
 Словно лебедь, сладко дремлющій
 На своемъ прохладномъ бархатѣ,
 На водѣ своей родной.

А подъ ней—двойчаткой стройною,
 Такъ же легкой и спокойною,
 Лодка свѣтлая мерещится,
 Въ лонѣ зеркальномъ рисуется
 И бѣлѣть, и красуется,—
 Только парусами внизъ.

И не знаешь что плѣнительнѣй,
 Что для взоровъ обольстительнѣй:
 Горы ль, гордо возстающія,
 Иль ихъ призраки подводные?
 Что прекраснѣе: дѣйствительность,
 Иль чарующій обманъ?

РОНЪ.

Я былъ на поклонѣ у Рона,
 Гдѣ въ Леманъ вливается онъ;
 Большаго бѣ не было урона,
 Когда бѣ я не отдалъ поклонъ.

Поэты его величали;
 Намъ *Плѣннаго* памятенъ стихъ,
 Который подъ мракомъ печали
 Такъ грустно, внезапно затихъ.

Но Ронъ здѣсь, при устьѣ нечистомъ,
 Итѣва не пробудитъ напѣвъ;
 Лимонъ здѣсь, при миртѣ душистомъ,
 Не блещетъ, на солнцѣ зардѣвъ.

Нѣтъ, Ронъ здѣсь не благообразенъ,
 Не смотритъ казистымъ концомъ;
 Здѣсь мелокъ онъ, узокъ и грязенъ,
 Здѣсь въ грязь онъ ударилъ лицомъ.

французскіе поэты 18-го вѣка — Ронъ
 — въ томъ же вѣкѣ — Ронъ —
 не мнѣ Дюранъ, Дюранъ

И дѣлаетъ очень разумно,
 Что, чувствуя собственный стыдъ,
 Почти непримѣтно, безшумно
 Онъ спрятаться въ Леманъ спѣшитъ,

И въ немъ освѣжившись, умывшись,
 Въ Женевѣ, изъ водъ голубыхъ
 Выходитъ, къ лицу нарядившись,
 Какъ къ милой невѣстѣ женихъ.

СНѢГЪ.

Ночью выпалъ снѣгъ. Здорово ль,
 Мой любезнѣйшій землякъ?
 Были бъ санки да рысакъ, —
 То-то нагуляться вдоволь!

Но въ пастушескомъ Вевѣ
 Не дается сонъ затѣйной
 И тоскуешь по Литейной,
 По застывшей льдомъ Невѣ.

НЕНАСТЬЕ.

День былъ сотканъ весь изъ злата,
 День былъ созданъ для прогулки;
 Только въ поле вышелъ я, —
 Неба всѣ прорвались втулки,

Полилъ дождь, какъ изъ ушата —
 И промокъ я, какъ бадья.
 Говорятъ мнѣ: « для поѣва
 Дождикъ кстати и хорошъ. »
 Какъ не лопнуть тутъ онъ гнѣва?
 Ми чтоѣ пользы? Я не рождь!

КАРТИНА.

Чуденъ блескъ живой картины:
 Ярко лоснятся вершины,
 Словно злато на огнѣ;
 Снѣгъ на нихъ подъ солнцемъ рдѣетъ,
 Тонкій паръ, струясь, алѣетъ
 И дымится въ вышинѣ.

Окаймившись горной цѣнью,
 Озеро стекляннѣе степью
 Бездыханно разлилось —
 И плитами свѣтозарно,
 То багряно, то янтарно,
 Раскалилось и зажглость.

Кто бы въ слово, въ образъ чистый
 Смѣло могъ сей блескъ струистый,
 Жизнь и свѣжесть зачерпнуть?
 Развѣ кистью—Айвазовскій,
 Развѣ бѣ могъ одинъ Жуковскій
 Въ свой прозрачный стихъ вдохнуть.

ГОРНЫЯ ВЕРШИННЫ.

Здѣсь зубастая природа:
 Зубъ Полудня, зубъ Жамень
 И еще того же рода
 До подлюжины именъ.

Вотъ прямые зубоскалы!
 Свысока глядятъ они,
 Какъ у ногъ ихъ людъ нашъ малый
 Пресмыкается въ тѣни.

Зубья челюсти огромной
 Рядомъ острыхъ горъ торчать;
 Свѣтлымъ днемъ и ночью темной
 Бѣлизной они дивять.

Дикой ихъ красой и славой
 Я люблюсь; но не разъ
 Сей природой величавой
 Утомленъ былъ слабый глазъ.

И я съ радостью сугубой
 Возвращусь къ роднымъ полямъ,
 Къ нашей плоскости беззубой,
 Къ нашимъ сѣвернымъ степямъ.

АНГЛИЧАНКЪ.

Когда, бѣснуясь, ваши братья
 Въ насъ шлютъ и ядра, и проклятья,
 И варварами насъ зовутъ,—
 На зло Джонъ-Булю и Французамъ,
 Вы, улыбаясь Русскимъ музамъ,
 Имъ дали у себя приютъ.

Вы любите напѣвъ ихъ стройный,
 Умъ Русскій, свѣтлый и спокойный,
 Простосердечный и прямой.
 Языкъ есть исповѣдь народа:
 Въ немъ свѣтится его природа,
 Его душа и быть родной.

Крылова стихъ простой и сильный,
 И поговорками обильный,
 Вы затвердили наизусть;
 Равно и Пушкина вамъ милы:
 Мечты, стихъ звучный, легкокрылый
 И упоительная грусть.

Умомъ открытымъ и свободнымъ
 Предубѣждениямъ лже-народнымъ
 Не поддались вы на заказъ
 И презирая вопли черни,
 Въ нашъ лавръ не заплетая терній,
 Не колете намъ ими глазъ.

Вы любите свою отчизну,
 Другимъ не ставя въ укоризну,
 Что и у нихъ отчизна есть.
 Вамъ, Англичанкѣ безпристрастной,
 Вамъ, предразсудкамъ не подвластной,—
 Признательность, хвала и честь.

Боясь, чтобъ Пальмерстонъ не свѣдалъ
 И васъ за *Руссизмъ* не предасть
 Подъ уголовную статью,
 Украдкой варварскую руку,
 Сердечныхъ чувствъ моихъ въ поруку,
 Вамъ дружелюбно подаю.

БЕРЕЗА.

Средь избранныхъ деревь береза
 Не поэтически глядитъ;
 Но въ ней—душѣ родная проза
 Живымъ нарѣчьемъ говорить.

Милѣй всѣхъ пѣсней сладкозвучныхъ
 Отъ ближнихъ радостная вѣсть,
 Хоть пара словъ собственноручныхъ,
 Гдѣ сердцу много что прочесть.

Почтовый факторъ на чужбинѣ
 Намъ всѣмъ пріятель дорогой;
 Въ лѣсу онъ прѣсѣкъ, ключъ въ пустынь,
 Намъ проводникъ въ странѣ чужой.

Полилъ дождь, какъ изъ ушата—
 И промокъ я, какъ бадья.
 Говорятъ мнѣ: «для поѣва
 Дождикъ кстати и хорошъ.»
 Какъ не допнуть тутъ онъ гнѣва?
 Мнѣ что пользы? Я не рождь!

КАРТИНА.

Чуденъ блескъ живой картины:
 Яркъ лоснятся вершины,
 Словно злато на огнѣ;
 Снѣгъ на нихъ подь солнцемъ рдѣеть,
 Тонкій паръ, струясь, алѣеть
 И дымится въ вышинѣ.

Окаймившись горной цѣлью,
 Озеро стекляннѣе степью
 Бездыханно разлилось—
 И плитами свѣтозарно,
 То багряно, то янтарно,
 Раскалилось и зажглось.

Кто бы въ слово, въ образъ чистый
 Смѣло могъ сей блескъ струистый,
 Жизнь и свѣжесть зачерпнуть?
 Развѣ кистью—Айвазовскій,
 Развѣ бѣ могъ одинъ Жуковскій
 Въ свой прозрачный стихъ вдохнуть.

ГОРНЫЯ ВЕРШИНЫ.

Здѣсь зубастая природа:
Зубъ Полудня, зубъ Жамень
 И еще того же рода
 До полдюжины именъ.

Вотъ прямые зубоскалы!
 Свысока глядять они,
 Какъ у ногъ ихъ людъ нашъ малый
 Пресмыкается въ тѣни.

Зубья челюсти огромной
 Рядомъ острыхъ горъ торчатъ;
 Свѣтлымъ днемъ и ночью темной
 Близкой они дивять.

Дикой ихъ красой и славой
 Я люблюсь; но не разъ
 Сей природой величавой
 Утомленъ былъ слабый глазъ.

И я съ радостью сугубой
 Возвращусь къ роднымъ полямъ,
 Къ нашей плоскости беззубой,
 Къ нашимъ сѣвернымъ степямъ.

Нѣтъ, здѣсь ты пропадаешь даромъ
И средь спѣсивыхъ винныхъ лозъ
Не въ прокъ тебя за лѣтнимъ жаромъ
Прихватить молодой морозъ.

Потомка новой Элоизы,
Въ сей романтической землѣ,
Забывая о хозяйствѣ мызы,
Или, по здѣшнему, — *шале*,

Своимъ Жанъ-Жакомъ какъ ни бредить,
Свой скотный дворъ и сыръ любя, —
Плохая ключница, — не цѣдитъ
Она наливки изъ тебя.

Въ сей сторонѣ неблагодарной,
Гдѣ ты растешь особнякомъ,
Рябиновки злато-янтарной
Душистый нектаръ незнакомъ.

Никто понятыя не имѣеть,
Какъ благотѣльный твой сокъ
Крѣпитъ желудокъ, сердце грѣетъ,
Вдыхая сладостный хмѣлекъ.

Средь здѣшнихъ всѣхъ великолѣпій
Ты, въ одиночествѣ своемъ,
Какъ роза средь безлюдной степи,
Какъ свѣтлый перлъ на днѣ морскомъ.

Сюда заброшенный случайно,
Я, горемычный какъ и ты,
Дѣлю одинъ съ тобою тайно
Души раздумье и мечты.

Такъ, я одинъ въ чужбинѣ дальной
Тебя привѣтствую тоской,
Улыбкою полу-печальной
И полу-радостной слезой.

ОТЪѢЗДЪ.

Поскупясь, судьба талана
Не дала мнѣ на зубокъ;
Всюду поздно или рано,
Все не кстати, все не въ прокъ
Прихожу и затѣваю;
Ничего не начинаю
Послѣ дождичка въ четвергъ,
А какъ разъ сажусь въ дорогу
Передъ дождичкомъ въ четвергъ;
И занесъ въ телегу ногу,
И судьбы не опровергъ:
Вотъ подуло *черной бизой*
Съ неба тучами, какъ ризой,
Облаченного кругомъ.
Горы всѣ подъ капишономъ
И надъ озеромъ и Рономъ
Волны прыщутъ кипяткомъ.
Не далась мнѣ и Женева:
Не всходилъ на верхъ Салева
По слѣдамъ Карамзина;
Не видалъ, хотъ изъ окна,
Живописнаго Монъ-Блана,
Горъ царя и великана:
Скрылся онъ во внутрь тумана,

У царя приѣма нѣтъ.
 И не знаетъ вашъ поэтъ
 Какъ, подъямься горделиво
 На престолъ изъ сребра,
 Богомъ созданное диво,
 Блещеть чудная гора.

ДОРОГОЮ ВЪ ШАМУНИ.

Величавыхъ горъ громады!
 Съ шумомъ рвутся водопады
 Съ ихъ отважной крутизны;
 Двухъ міровъ у перепутья,
 Тучъ разодранныхъ лоскутъя
 Обвиваютъ вышины;

Разумъ обольщаютъ, взоры,
 И мерещится, что горы—
 Межевая полоса,
 Что ихъ выси съ небомъ смежны,
 Что вступить на верхъ ихъ снѣжный,—
 И шагнешь на небеса.

Арва бѣшеной волною
 Мчится съ воемъ и грозой
 Внизъ по каменному дну;
 И кипить, и рветъ каменья:
 Образъ жизни и волненья
 Въ нашу бурную весну.

Здѣсь—воздѣланныя нивы,
 Тамъ—дремуче-молчаливый
 Лѣсъ надъ бездною повисъ;
 Здѣсь—гора въ одеждѣ брачной,
 Тамъ—утесъ, какъ оставъ мрачной,
 Весь ободранъ онъ и лысъ.

Въ стаѣ горъ гора-орлица,
 Бѣлоликая Царица
 Блещетъ дѣвственнымъ вѣнцомъ;
 А подъ солнечнымъ закатомъ,
 Вся она зардѣетъ златомъ,
 Вспыхнетъ розовымъ огнемъ.

Самый ужасъ здѣсь не страшень,
 Онъ поэзіей украшень
 И любви на немъ печать.
 Божья радость, Божья слава,
 Здѣсь природа величава,
 Но и ласковая мать.

Въ углубленіяхъ долины,
 Милостивыя картины
 Манятъ взоръ на выборъ вашъ:
 Свѣжій лугъ пестрѣетъ стадомъ,
 Мельница, домишко съ садомъ
 Иль пастушескій шалашъ.

Здѣсь поклоннику природы,
 Другу мира и свободы,
 Здѣсь—отъ жизни отдохнуть:
 Думъ мірскихъ сорвать оковы
 И вдали отъ шума—новый
 Испытать ко счастью путь.

ОТДѢЛЪ V.

И Т А Л І Я.

НИЦЦА.

Лѣнь въ своемъ здѣсь элементъ:

Здѣсь ей тихое житье;

Юга *dolce far niente*,

Сладкой нѣги забытье;

Взморья свѣжесть, зыби лепеть,

Благовоіе цвѣтовъ

И чуть слышный, легкій трепеть

Улетающихъ часовъ;

Солнце жарко ли пригрѣетъ,

Иль упрчешься подъ тѣнь,—

Все питаетъ, все лелѣетъ

Убаюканную лѣнь.

Въ благодатной этой Ниццѣ

Беззаботный домосѣдъ,

Какъ цвѣтокъ въ своей теплицѣ,

Охраняется отъ бѣдъ.

Но и здѣсь свое есть горе:
Въ этой пѣсни бытія,
Что поютъ земля и море,
Есть разладаща своя.

Можноль слушать безъ досады
И безъ судорогъ ушей
Итальянскія рулады
Альбіонскихъ дочерей?

Въ каждомъ домѣ здѣсь изъ оконъ,
Скажемъ Ниццѣ не во гнѣвъ,
Вьется длинный, рыжій доконъ,
Льется кошачій напѣвъ.

Цѣлый день себѣ мяучать
Миссы до поту лица,
А все горла не пріучать
Не фальшивить до конца.

ВЕЧЕРЪ ВЪ НИЦЦѢ.

По взморью я люблю одинъ бродить, глазѣя.
Особенно мила мнѣ тихая пора,
Когда сгараетъ день, великолѣпно рдѣя
Подъ пурпурнымъ огнемъ небеснаго костра.

Ужъ замеръ гамъ толпы, шумъ жизни, визгъ шарманокъ;
Пустѣетъ берегъ: онъ очищенъ, онъ заснулъ;
И пѣшихъ Англичанъ, и конныхъ Англичанокъ
Послѣдній караванъ ужъ въ городъ повернулъ.

Въ прозрачномъ сумракѣ все постепенно тонетъ,
 Утихъ мятежныхъ волнъ междоусобный бой;
 И только изрѣдка чуть вздрогнетъ, чуть простонетъ
 За зыбью зыбь, волна за сонною волной.

Куда разсѣянно ни поведу глазами,
 Вездѣ волшебный рядъ плѣнительныхъ картинъ:
 Тамъ берегъ Франціи красуется горами
 И выпуклой рѣзбой узорчатыхъ вершинъ.

На оконечности приморскаго изгиба,
 Гдѣ каменная грудь даетъ отпоръ волнамъ,
 Вотъ свой маякъ зажгла красивая Антиба,—
 Въ пустынь столбъ огня кочующимъ пловцамъ.

А здѣсь, ему въ отвѣтъ святаго Іоанна
 Маякъ вонзилъ во тьму свой пламень подвижной;
 То вспыхнетъ молніей изъ дальняго тумана,
 То пропадаетъ изъ глазъ падучею звѣздой.

Такъ манить насъ звѣзда надежды, то свѣтлѣя,
 То спрятавшись отъ насъ, то улыбаясь вновь;
 Такъ дѣва робкая, предъ юношей краснѣя,
 Желаетъ выразить и скрыть свою любовь.

ДОРОГОЮ ИЗЪ НИЦЦЫ ВЪ КАННЫ.

На свѣтломъ берегу полуденнаго моря,
 Гдѣ, съ горней синевой оно лазурью спора,
 Широко разлилось, какъ зеркало небесъ;
 Гдѣ пальма, кипарисъ, зеленыхъ маслинъ лѣсъ;

Гдѣ съ темной зеленью красивый померанецъ
 Роскошно сочеталъ свой запахъ и багрянецъ;
 Гдѣ яркостью садовъ, и неба, и волны
 Цвѣтущая зима—соперница весны;
 Гдѣ нѣгой грудь полна и жизнь очарованьемъ,
 Вдругъ Русскимъ на меня повѣяло дыханьемъ
 Съ вершинъ, бѣлѣющихъ подъ снѣжною грядою
 И грустно помянулъ я дальній сѣверъ мой.
 Тамъ хладный трупъ земли, обросшій мшистымъ снѣгомъ:
 Окованные льдомъ не лютуютъ звонкимъ бѣгомъ
 Ручьи, привѣтствуя долины и дуга.
 Подъ небомъ пасмурнымъ снѣга, одни снѣга.
 Мнѣ стало совѣстно, мнѣ радоваться больно,
 Что на чужомъ пиру роскошно и привольно
 Я, гость непризванный, я, перебѣжчикъ, пью
 Изъ кубка полного цѣлебную струю.

Живется здѣсь легко, на праздникъ природы:
 День теплый, сводъ небесъ, прозрачный воздухъ, воды
 И ризою цвѣтовъ одѣтая земля,—
 Все блещетъ, глазъ и мысль, и душу веселя.

А братія мои, въ борьбѣ съ природой грубой,
 Иль душно взаперти, иль подъ медвѣжьей шубой,
 Когда случается имъ вылѣзть изъ берлогъ,
 На солнце и на жизнь глядятъ какъ на подлогъ.
 За трапезой земной печально мѣсто ваше!
 Васъ горько обошли пирующею чашей.
 На жертвы, на борьбу судьбы васъ облекли:
 Въ пустынь снѣговой вы—схимники земли.
 Богъ помощь вамъ, друзья! Его нужна вамъ благость,
 Чтобъ бодро выносить суровой жизни тягость,
 Чтобъ ропотъ одолѣть, не унывать умомъ
 И скудно добывать настойчивымъ трудомъ,
 Что даромъ здѣсь даетъ и съ лихвой Промыслъ Божій.
 Богъ помощь! святъ вашъ трудъ, на вѣчный бой похожій.

Въ морозѣ, какъ въ огнѣ, и вы закалены.
 Но жертвы, но борьба вамъ будутъ зачтены.
 Въ замѣну благъ земныхъ, вы жатвою духовной
 Должны вознаградить Небесъ дѣлежъ неровной:
 Умилостивить жизнь, когда строга она;
 Посѣять въ тощій кряжъ науки сѣмена—
 И солнце мысли, день добра и просвѣщенья
 Возжечь надъ тундрами и степью запустѣнья.
 Мужайтесь! и для васъ—міръ царство красоты.
 Есть внутренняя жизнь: и въ ней свои цвѣты,
 Съ ихъ свѣжей роскошью, съ ихъ прелестью душистой,
 Свой дальній небосклонъ съ его лазурью чистой,
 Какъ въ небѣ свой просторъ, какъ въ морѣ глубь своя,
 И темныхъ родниковъ прохладная струя.

ПРОЩАНІЕ СЪ НИЦЦЕЮ.

(Посвящается Графинялѣ Олсуфьевымъ.)

Плѣнительная ночь, ночь голубаго юга,
 Мнѣ на прощаніе,—какъ ласковаго друга
 Последнее прости на предстоящій путь,—
 Ты думу свѣтлую мнѣ заронила въ грудь.
 Плѣнительная ночь, ночь нѣги полусонной!
 Земля кадилницей прохладно-благонной
 Курится. На лугахъ и въ сумракѣ деревъ
 Пропитанъ воздухъ весь дыханіемъ цвѣтовъ
 И вѣетъ на душу изъ глубины спокойной
 Поэзіей нѣмой, но сладостной и стройной.
 По крутизнѣ горы чернѣетъ темный лѣсъ,
 А въ зелени густой развѣсистыхъ деревьевъ,

Подобно огонькамъ, иль звѣздамъ перелетнымъ,
Лучолей миллионъ, порханьемъ искрометнымъ
 Пересѣкаетъ мракъ и освѣщаетъ ночь.
 Природный фейерверкъ! нѣтъ, нѣтъ, сравненья прочь!

Природу не грѣшно-ль намъ пошlostью обидѣть
 И въ прелестяхъ ея игрушки наши видѣть?
 Въ виду ея красотъ, что нашъ поддѣльный блескъ,
 Потѣшныя огни, бумажныхъ солнцевъ трескъ,
 Вся эта мишура, въ своемъ величьи мнимомъ,
 Которое блеснетъ и разлетится дымомъ?
 Природа Божьихъ рукъ—поэзія. Предъ ней
 Страдаемъ нищетой и красокъ, и рѣчей.

А вотъ и звонкая симфонія лягушекъ,
 Не то, что кваканье знакомыхъ намъ кликушекъ,
 Которыми биткомъ нашъ сѣверъ населенъ:
 Здѣсь слышится намъ пѣснь болотныхъ примадоннъ
 И въ ихъ усиліяхъ перекричать другъ друга,
 Особый есть напѣвъ и отголосокъ юга.
 А дальше, гдѣ съ землею граничатъ небеса,
 Тамъ зыбью зеркальной свѣтлѣетъ полоса:
 То море! и на насъ, сквозь сумракъ и молчанье,
 Несутся гулъ его и свѣжее дыханье.
 На черномъ полотнѣ прозрачной ночи, намъ
 Сномъ фантастическимъ мелькаютъ здѣсь и тамъ
 Неуловимые узоры и картины,
 Созданья ночи,—зыбь и жизнь ночной пучины.
 Плѣнительная ночь, волшебный уголокъ!
 Вамъ въ книжкѣ памяти заветный будь листокъ;
 Я сберегу * его.

И васъ я не забуду,
 И ваши имена на немъ хранить я буду,
 Землячки милыя, съ родимой стороны
 Переселенки въ край невянущей весны.
 Въ сердечной простотѣ радушнаго пріема,
 На дальней сторонѣ у васъ мы были дома.

Но этотъ домъ былъ міръ волшебный, міръ чудесъ;
 Въ немъ чуденъ блескъ земли и чуденъ блескъ небесъ!
 И сколько тайнства и нѣги въ этой ночи,
 Которой не могли налюбоваться очи!

ВЕНЕЦІА.

Городъ чудный, чрезполосный,—
 Суша, море по клочкамъ,—
 Безмощадный, безколесный,
 Городъ—рознь всѣмъ городамъ!
 Пѣшеходу для прогулки
 Сотни мостиковъ сочтешь;
 Переулки, закоулки,—
 Въ ихъ мытарствахъ пропадешь!

Вмѣсто улицъ—коридоры,
 Гдѣ народъ валитъ гуськомъ.
 Зданья—мраморныя горы,
 Изваянныя рѣзцомъ.
 Здѣсь—прозрачныя дороги
 И въ ихъ почвѣ голубой
 Отражаются чертоги,
 Строя городъ подъ водой.

Экипажи—точно гробы,
 Кучера—одни гребцы.
 Рядомъ грязныя трущобы
 И роскошныя дворцы.
 Нищеты, великолѣпя
 Изумительная смѣсь;
 Злато, мраморъ и отрепья:
 Падшей славы скорбь и смѣсь!

Здѣсь живое населенье
 Мѣди, мрамора, картинъ
 И прошло ихъ покодѣнье
 Сквозь грозу и мракъ годинъ.
 Живо здѣсь безсмертьемъ славы
 Племя свѣтлыхъ согражданъ:
 Сансовино величавый,
 Тинторетто, Тиціанъ.

Жіордано, Порденоне,
 Гвидо-Рени, Веронезъ;
 Миръ, зачавшійся въ ихъ лонѣ,
 При австрійцахъ не исчезъ.
 Торжествуя надъ вѣками
 И надъ злобною враждой,
 Онъ цвѣтетъ еще предъ нами
 Всемогущей красотой.

Здѣсь лишь статуи да бюсты
 Жизнь домашнюю ведутъ;
 Люди—ихъ жилища пусты—
 Всѣ на площади живутъ.
 Эта площадь—ихъ казино:
 Вѣчный раутъ круглый годъ;
 Убралъ залу Сансовино,
 Крыша ей—небесный сводъ.

Здѣсь съ *факикомъ* правнукъ дожа,
 Здѣсь красавицъ рой блестить,
 Взглядомъ нѣжа и тревожа
 Дворъ подвластныхъ волокить.
 Вотъ аббатъ въ мантильѣ черной:
 Въ немъ минувшій бытъ и вѣкъ;
 Словно вышелъ изъ уборной
 Принчипессы—имярекъ.

Въ круглой шляпкѣ, съ водоноскомъ
 Черноглазая краса;
 Изъ-подъ шляпки, чернымъ лоскомъ
 Блещетъ тучная коса.
 Здѣсь разнощиковъ ватага,
 Разной дряни торгоша
 И что шагъ—то побродяга,
 Промышляющій гроши.

Теноръ здѣсь хрипитъ рулады,
 Тамъ скрипитъ скрипачъ слѣпой
 Такъ, что всѣ оглохнуть рады,
 Только бъ дать ушамъ покой.
 Кофе пьютъ, ѣдятъ *сорбети*
 И свою балуя лѣнь,
 Юга счастливыя дѣти,
 Такъ проводятъ праздный день.

Здѣсь, какъ въ пестромъ маскарадѣ,
 Разноцвѣтный караванъ,
 Весь востокъ въ своемъ нарядѣ:
 Грекъ, накинувъ долиманъ,
 Турокъ феску нахлобуча—
 И средь лицъ изъ разныхъ странъ,
 Голубей привольныхъ куча,
 А тѣмъ паче англичанъ.

Всѣ они несутъ подъ мышкой
 Цѣлый пукъ карандашей,
 Телескопъ съ дорожной книжкой,
 Провѣряя все по ней.
 Дай имъ волю—и въ Санъ-Марко
 Впишутъ, не жалѣя стѣнь,
 Святотатственно и марко
 Длинный рядъ своихъ именъ.

Если жъ при ночномъ свѣтилѣ
 Окуется серебромъ
 Базилика, Кампаниле
 И дворецъ, почившій сномъ,
 И крылатый левъ заблещетъ
 И съ просонья, при лунѣ,
 Онъ крылами затрепещетъ.
 Мчась въ воздушной вышинѣ,

И весь этотъ край лагунной,
 Весь волшебный этотъ міръ
 Облечется ночью лунной
 Въ золото, жемчугъ и сафиръ:
 Предъ картиной этой чудной
 Цѣпнѣютъ глазъ и умъ—
 И тревоги многочелюдной
 Позабывъ потокъ и шумъ,

Ты душой уединишься!
 Весь ты зрѣнье и любовь,
 Ты глядишь и заглядишься,
 И глядѣть все хочешь вновь,
 И всѣмъ прочимъ не въ обиду.—
 Красоту столицъ земныхъ
 Златовласую Киприду,
 Дочь потоковъ голубыхъ,

Приласкаешь, приголубишь
 Мыслью, чувствомъ и мечтой
 И Венецію полюбишь
 Безъ ума и всей душой.
 Но одно здѣсь спорить рѣзко
 Съ красотою здѣшнихъ мѣстъ:
 Наложилъ лихой Тедеско
 На Венецію арестъ.

Здѣсь, гдѣ дожей память славить
 Вѣковѣчная молва,
 Тутъ пятой Горшковскій давить
 Цѣпью скованнаго льва;
 Онъ и скованный сатрапу
 Страшенъ. Все въ испугѣ ждетъ:
 Не подыметъ ли онъ лапу?
 Гривой грозно ль не потряхнеть?

НОЧЬ ВЪ ВЕНЕЦІИ.

По зеркалу зыбкаго дола,
 Подъ темнымъ покровомъ ночнымъ,
 Таинственной тѣнью гондола
 Скользитъ по струямъ голубымъ.

Гондола скользитъ молчаливо
 Вдоль мраморныхъ, мрачныхъ палатъ;
 Изъ мрака онѣ горделиво,
 Сурово и молча глядятъ.

И рѣдко, и рѣдко сквозь стекла
 Гдѣ бѣ свѣтъ одинокій блеснулъ;
 Чертоговъ тѣхъ роскошь поблекла
 И жизнь ихъ—минувшаго гулъ.

И дремлютъ дворцы-саркофаги!
 Но снятся имъ славные сны:
 Дни древней народной отваги,
 Блескъ мира и громы войны;

Востока и трепеть и горе,
 Когда разглашала молва
 Побѣды на сушѣ и морѣ
 Повсюду державнаго льва;

И пиршествъ роскошныхъ веселье,
 Когда новый Дожъ пировалъ
 Въ дукальномъ дворцѣ новоселье
 И рогъ золотый воздѣвалъ.

Умолкли и громы и клики!
 И средь опустѣвшихъ палатъ,
 Левъ пережилъ вѣкъ свой великій,
 Трезубецъ и грозный булатъ.

Погасла звѣзда, что такъ ярко
 Лила свѣтозарный потокъ
 На башни, на площадь Санъ-Марко,
 На западъ и дальній востокъ.

Не ждите: не явится скоро,
 Свершая торжественный бѣгъ,
 Пловучій дворецъ, Бучинторо,
 Державы и славы ковчегъ.

Красавицы, нынѣ печальной,
 Не вспыхнетъ восторгомъ лицо;
 Завѣтный залогъ обручальной,
 Давно распаялось кольцо.

Красавицы вдовствуетъ ложе
 И дума ей душу гнететь;
 Но тщетно мечтать ей о Дожѣ, —
 Желанный женихъ не придетъ.

По зеркалу зыбкого дола,
 Подъ темнымъ покровомъ ночнымъ,
 Таинственной тѣнью гондола
 Скользить по струямъ голубымъ.

Въ часы тишины и прохлады,
 Синьора, услышавъ сквозь сонъ
 Созвучья ночной серенады,
 Не выйдетъ тайкомъ на балконъ.

Забыты октавы Торквато,
 Умолкнулъ народный напѣвъ,
 Которымъ звучали когда-то
 Уста гондольеровъ и дѣвъ.

Гондола скользить молчаливо
 Вдоль мраморныхъ, мрачныхъ палатъ:
 Изъ мрака онѣ горделиво,
 Сурово и молча глядятъ.

КЪ ВЕНЕЦІИ.

«Во всѣхъ ты, душенька, нарядахъ хороша!»
 Златой ли солнечной парчою ты одѣта
 И яркій день тобой любуясь, чуть дыша,
 Льетъ на красавицу потокъ огня и свѣта;
 Серебряная ночь и воздухъ голубой
 Объемлютъ ли тебя прозрачной пеленой
 И въ честь тебѣ кругомъ синѣютъ на просторѣ—
 Тамъ небо звѣздное, здѣсь зеркальное море,

Достойные тебя подножіе и кровь,—
 Златой-царицей дня, царицей свѣтлыхъ сновъ,
 Ты все волшебница, «всегда ты чудо свѣта
 И только ты одна прекраснѣй *Каналета!*»

GIARDINO PUBLICO.

Когда, пресытившись природой южной,
 Родныхъ воспоминаній слѣдъ ловлю
 И чувствами мнѣ освѣжиться нужно
 И въ душу сѣверъ просится,—люблю,
 Забывъ лагуны съ прелестью ихъ мирной
 И бѣгъ гондолъ, скользящихъ здѣсь и тамъ,
 И чудный міръ, изъ глубины сафирной
 Улыбчиво ласкающійся къ намъ,—
 Люблю бродить въ саду и думой дальной
 Иныхъ дорожекъ хладный грунтъ топтать
 И въ осени, красавицѣ печальной,
 Черты давно знакомы встрѣчать.
 Люблю я прелесть тихой сей картины:
 Деревьевъ тощихъ молчаливый рядъ,
 Полуразвѣнчанныя ихъ вершины,
 Полуоборванный луговъ нарядъ—
 И шорохъ хрупкихъ листьевъ облетѣвшихъ,
 Ногой моей встревоженныхъ слегка,
 Въ душѣ подѣмлетъ рой сновъ, глубоко засѣвшихъ
 И грустно мнѣ, но эта грусть легка!

ВЕНЕЦІЯНКЪ.

Глаза твои горятъ поэзіи огнемъ,
 Поэзіей твоя улыбка дышетъ;
 Молчишь ли ты? въ молчаніи твоємъ
 Нѣмая пѣсни сердце слышитъ.

Поэзіей звучитъ твоя живая рѣчь,
 Кипитъ она и блещетъ вдохновеньемъ
 И мысль всегда умѣешь ты увлечь
 Своимъ молодымъ одушевленьемъ.

Какъ даръ свой ни таишь, чтобъ избѣжать похвалъ, —
 Напрасенъ трудъ: угадана пѣвица.
 Ты красотой — поэту идеалъ,
 Душой — поэзіи ты жрица!

ЦАРИЦА КРАСОТЫ.

Намъ море нравится и манитъ насъ, равно
 Однообразіемъ и вѣчной перемѣной:
 Смотрите, какъ теперь улычиво оно!
 Какъ ластится къ землѣ своей блестящей пѣной!

Предъ зеркаломъ, парчу накинувъ на плеча,
 Царица красоты любитъся собою
 И падаетъ до ногъ лазурная парча,
 И вьется по землѣ жемчужной бахромою.

ГОНДОЛА.

(Подражаніе Гёте.)

Гондола колыбелью зыбкой
 Меня укачиваетъ сладко
 И золотые сны съ улыбкой
 Мнѣ въ душу радостно глядятъ.

Синѣтъ небосклонъ просторный,
 Скользить картина за картиной,
 А на гондолѣ кузовъ черный,
 Какъ гробъ, страшилищемъ стоитъ.

Не то же ли и въ жизни съ нами?
 Не всѣмъ *большимъ каналомъ* жизни
 Мы, убаюканные снами
 И беззаботные, плывемъ?

Намъ тоже пристань общей цѣлю.
 Цвѣтуцій юноша иль старецъ,
 Смотри: предъ каждой колыбелью
 Гробъ неминуемый въ виду.

БАРКАРОЛЛЫ.

I,

(Vieni, la barca e pronta.)

Выйдя, сядь въ гондолетку!
 Мѣсяцъ съ синяго неба
 Въ серебристую сѣтку
 Ночь и волны облекъ.

Воздухъ, небо и море
 Дышать нѣгой прохладою;
 Съ ними здѣсь въ заговорѣ,
 Слышишь, шепчетъ любовь;

Друга вѣрнаго зову,
 Сердцу сердцемъ откликнись,
 Скромной ночи покрову
 Выдай тайну любви.

Ластясь къ камнямъ прибрежнымъ,
 Тамъ у Лидо льнуть волны
 Съ стономъ, съ ропотомъ нѣжнымъ,
 Замирая въ цвѣтахъ.

Здѣсь плѣненный тобою
 Сердца милую дѣву
 Ждетъ подъ тѣнью nocturnoю
 Молодой гондольеръ.

Онъ поетъ и тоскуетъ
И съ любовью и лаской
Дѣву онъ зацѣлуетъ
И въ восторгахъ умретъ.

II.

Какъ въ орѣшкѣ перламута
Жемчугъ дивной красоты,
Въ свѣтлый башмачекъ обута
Ножка чудная и ты!

Что за выпуклая ножка,
Что за стройный башмачекъ!
Не протопчется дорожка,
Не наклонится цвѣтокъ,

За садовою рѣшеткой,
По муравкѣ шелковой,
Подъ воздушною походкой
Одалиски молодой.

Отвѣчая ласкамъ лаской,
Тамъ гдѣ счастливъ Магометъ
Сладострастныхъ гурій пляской—
Ножкѣ той подобной нѣтъ.

Твой пѣвецъ и челядинецъ, —
Ножка, весь златой востокъ
Я отдамъ за твой мизинецъ,
За одинъ твой ноготокъ.

III.

Разсѣянно она
 Мнѣ руку протянула:
 И молча, долго я
 Ее въ своей держалъ.
 Я вздрогнулъ, а она,
 Вглядысь въ меня, зѣвнула,
 Но скуки—прѣздный взоръ
 Ея не выражалъ.

Ни гнѣвъ не вспыхнетъ въ ней,
 Ни искрою участья
 Отрады не подастъ
 Она моей тоскѣ.
 Но сердцу-ли роптать?
 Съ него довольно счастья,
 Что обожглось оно,
 Прильнувъ къ ея рукѣ.

IV.

Очи, звѣзды твои,
 Черной радугой бровь,
 И улыбка и поступь,—
 Все любовь, все любовь!

Я хотѣлъ бы тобой
 Любоваться вѣка,
 А въ душѣ безнадежной
 Все тоска, все тоска!

У твоихъ ли очей
 Состраданья молю?
 Отвѣчаешь мнѣ взглядомъ:
 Не люблю, не люблю!

Далеко-ль отъ тебя
 Мигъ забвенья ловлю?
 Не уловишь! а съ горя
 Все сильнѣе люблю.

МОРЕ.

Море—цѣлая поэма,
 Вѣчно-новое сказанье
 Поэтическихъ чудесъ!
 Въ ней таинственность, въ ней бездна,
 Въ ней незыблемыхъ небесъ
 Вѣчно зыбкая картина;
 Въ ней угадываемъ мы
 Свѣжесть чистаго эдема,
 Мракъ и ужасъ царства тьмы.

Въ сей поэмѣ первобытной,
 Современной дню созданья,
 Сколько думъ ненасытной
 Пищи, нѣги и тоски!
 Сколько жизни, сколько страсти,
 Въ семъ движеньи, чуждомъ власти
 Человѣческой руки!

Сколько ясности державной
 Въ величавой красотѣ
 И торжественности плавной
 Въ этой стройной полнотѣ!
 Сколько краски своенравной
 Въ этой зыбкой пестротѣ!

Сколько трепета и сшибокъ,
 Сколько тѣней и улыбокъ,
 И подъ дымомъ голубымъ,
 Сколько очерковъ воздушныхъ,
 Смѣлой кисти не послушныхъ,—
 Такъ ихъ блескъ неуволнимъ!

Есть на все свой отголосокъ
 И на все есть свой напѣвъ:
 То любви здѣсь слышенъ шопотъ,
 То глухой, то ярый гнѣвъ,
 То унынья стонъ и ропотъ,
 То внезапно, здѣсь и тамъ,
 Бурной силы скачъ и топотъ
 По дробящимся волнамъ.

Люются звучныя октавы,
 Божьей благодати и славы
 Вѣковые голоса,
 Возвѣщающа дню и ночи—
 Громоу въ уши, блескомъ въ очи,—
 Не мірскія словеса,
 Но живыя откровенья,
 Темной бездны псалмопѣнья
 И рыданья въ небеса.

Этой книги смыслъ глубокий
 Чуждъ вамъ, жалкіе слѣпцы!
 Но высокаго пророки,
 Но прекраснаго жрецы

Почерпали въ ней уроки,
Вдохновенье, образцы!

Словно вѣчности задатокъ,
Необъятностью своей,
Эта книга—отпечатокъ
И невѣрныхъ нашихъ дней:
Свѣжій блескъ и тишь лазури
И внезапныя борьбы
Въ этой книгѣ—миръ и бури
Человѣческой судьбы.

И вопьешься въ это чтенье,
И забудешься ты въ немъ:
Не скудѣетъ наслажденье,
А все глубже съ каждымъ днемъ.
Пресыщенья не узнаешь:
Все читаешь, все читаешь
И зачитываться радъ.
У побережья, надъ просторомъ,
Зыбь за зыбью, съ жаднымъ взоромъ
Перелистываешь ты
Эту чудо-эпопею:
Иліаду—Одиссею
Безконечной красоты.

ОПЯТЬ МОРЕ.

Платонической любовью
Въ море страстно я влюбленъ;
Пѣснопѣнямъ, славословью,
Въ честь ему я обреченъ.

Красотой голубоюкой
 Обольстительной волны,
 То привѣтной, то жестокой,
 Чувства всѣ упоены.

Прелесть—нѣжится ли, лёжа,
 Полной грудью чуть дыша!
 А вспылить ли,—все встревожа?
 Какъ ужасно хороша!

Предъ волной благоговѣю,
 Но въ почтительной дали:
 Жадно слѣдую за нею,
 Но не трогаясь съ земли.

Нѣтъ, съ волною ненадежной
 Не вступаю въ тѣсный бракъ:
 Холостой я, осторожной,
 Сухопутный я морякъ.

Отъ волшебницы русалки
 Отступить не въ силахъ я;
 Но познаетъ жребій жалкій,
 Кто отдается ей въ мужья.

Что поэзіей роскошной
 Манить въ ней со стороны,
 То мутить насъ прозой тошной
 Въ безотвязности жены.

Душу всю переверотить,
 Ставъ хозяйкою, она;
 Закачаетъ, заколотить
 Безпокойная жена.

Зналъ я на морѣ не мало
 Качекъ, вѣтровъ, непогодъ:
 Чуть совѣтъ не докачало
 Насъ на дно эгейскихъ водъ.

Былъ я также въ переборѣ
 У воды и у огня:
 На костръ пловучемъ море
 Ночью видѣло меня.

Чудно-грозная картина!
 На морѣ пожаръ! Кругомъ
 Рдѣтъ мракъ, а водъ пучина
 Забагровѣла огнемъ.

Дыма, пламени и смрада,
 Адской ночи тьма полна.
 Данте, живописецъ ада,
 Здѣсь твоя бы кисть нужна.

Твой же адъ здѣсь злобно пышетъ!
 Тѣ же ужасъ и тоска
 И твою же надпись пишетъ
 Огненосная рука.

Нѣтъ надежды, нѣтъ спасенья!
 Божьей кары часъ пробилъ:
 Ждетъ насъ смерть безъ погребенья
 Въ бурной мглѣ морскихъ могилъ.

А на палубѣ, какъ тѣни,
 Съ смертной блѣдностью въ чертахъ,
 Павъ съ молитвой на колѣни,
 Жены, матери въ слезахъ.

Нѣтъ боязни малодушной
 Въ безкорыстной ихъ молебѣ.
 Предъ опасностью, послушно,
 Забывая о себѣ,

Умереть онѣ готовы,
 Только Промысла покровъ
 Отклони ударъ суровый
 Отъ младенческихъ головъ.

Чая милости Господней,
 Плача, молится ли мать, —
 Нѣтъ молитвы той угоднѣй
 И надъ плачемъ благодать!

Власть и таинство молитвы,
 Святость материнскихъ слезъ
 Пискупили насъ изъ битвы
 Подъ страшнѣйшею изъ грозъ.

Промыслъ, кормчій нашъ единый,
 Гнѣвъ на милость преклоня,
 Ты насъ вынесъ изъ пучины
 Волнъ морскихъ и волнъ огня.

Берегъ, берегъ подъ ногами!
 День блеснулъ изъ адской тьмы!
 И оплаканную нами,
 Землю лобызали мы.

РЫБАКЪ.

Моря зыби голубыя
 Почернѣли и ревуть;
 Волны, стѣны подвижныя,
 Расходились и растутъ.

Рухнетъ валъ—и новый ярусъ
 Громоздится подъ грозой;
 Запоздавшей лодки парусъ
 Страшно треплетъ вѣтръ морекой.

Кормчій лодкой не управить
 Подъ усилями борьбы:
 Лодку то волной придавить,
 То подыметъ на дыбы.

И тоски и страха полный,
 Я гляжу не этотъ бой,
 Бой не ровный! вѣтръ и волны
 Бьются съ бѣдною ладьей.

Кесарь въ ней съ своей фортуной:
 Въ ней рыбакъ отважный,—въ ней
 Жизнь его подруги юной
 И насущный хлѣбъ дѣтей.

Въ море онъ пустился рано,
 Побѣдивъ дрему и лѣнь:
 Море было такъ стекляно,
 Такъ безоблаченъ былъ день!

Ловъ счастливъ! съ добычей многою
 Возвращался онъ домой,
 Чтобъ за трапезой убогой
 Отдохнуть съ своей семьей.

На свои любясь сѣти
 И на все что въ нихъ, онъ радъ:
 Знать ему жена и дѣти
 Этотъ вымолили кладъ.

Радость, душу освѣжая,
 Въ ней струится и блеститъ,
 Какъ поверхность голубая,
 По которой онъ скользитъ.

Вдругъ, невѣдомо откуда,
 Вѣтръ порывистый подулъ.
 Черныхъ волнъ тѣснится гряда,
 Загудѣлъ подводный гулъ.

И недавно такъ ручное,
 Море, дикое теперь,
 Пасть раскрывъ, при страшномъ боѣ,
 Ощетинилось какъ звѣрь.

Рвется въ лодку съ силой гнѣвной
 И хватаетъ за бока:
 Смерть, изъ пропасти стозѣвной,
 Смерть глядитъ на рыбака.

А въ лачугѣ, подъ горою,
 У рыбацкой слободы,
 За грозой слѣдять съ тоскою
 Подъ предчувствіемъ бѣды.

Грозной бури завыванья
Откликаются въ сердцахъ;
Бурѣ вторять содроганья,
Слезы, вопли, хладный страхъ.

Предъ царицей всѣхъ скорбящихъ,
Предъ Мадонной моряковъ,
Къ ней усердныхъ, къ ней молящихъ,—
Въ часъ опасности покровъ;

Яркій свѣтъ зажженъ въ лампадѣ,
Жарко молятся сердца
О спасеніи, о пощадѣ
Друга, мужа и отца:

«Сердобольная Мадонна,
«Помощь намъ свою яви!
«Ты—предстательствомъ у трона
«Милосердыя и любви.

«О, утѣшь насъ, утѣшитель!
«Да сойдетъ на насъ съ небесъ
«Мирный ангелъ, вождь-хранитель
«Душъ и немощныхъ тѣлесъ.

«Погибающаго въ морѣ
«Благодатью защити;
«Сиротства бѣду и горе
«Отъ семейства отвори!

«И спасенные мольбами
«Нашей Дѣвы Пресвятой,
«Ожерельемъ и цвѣтами
«Мы украсимъ образъ твой.

РИМЪ.

Римъ! всемогущее, таинственное слово!
 И вѣковѣчно ты, и завсегда ты ново!
 Уже во тьмѣ временъ, почившихъ мертвымъ сномъ,
 Звучало славой ты на языкѣ земномъ.
 Народы отъ тебя, волнуясь, трепетали,
 Тобой исписаны всемірныя скрижали:
 И человѣчества слѣдъ каждый, каждый шагъ
 Стезей трудовъ и жертвъ, и опытовъ, и благъ,
 И доблесть каждую, и каждое стремленье
 Мысль свѣтлую облечь въ высокое служенье,
 Все что есть жизнь ума, все что души есть страсть,
 Искусство, мужество, побѣду, славу, власть, —
 Все выражало ты живымъ своимъ глаголомъ
 И было ты всего великаго символомъ.
 Міръ древній и его младая красота
 И возмужавшій міръ подъ знаменемъ Креста,
 Съ красою строгою и нравственнымъ порядкомъ,
 Не на тебѣ ль слились вѣчнымъ отпечаткомъ?
 Державства твоего свершились времена:
 Другія за тобой слова и имена,
 Мірскаго промысла орудья и загадки,
 И волновали міръ, и міръ волнуютъ шаткѣй;
 Ужъ не таишь въ себѣ, какъ въ урнѣ роковой,
 Ты жребіевъ земли, покорной предъ тобой,
 И человѣчеству, въ его стремленье новомъ,
 Звучишь преданьемъ ты, а не насущнымъ словомъ.
 Въ тѣни полузакрытъ всемірный великанъ:
 И форумъ твой замолкъ, и дремлетъ Ватиканъ.
 Но избраннымъ душамъ, поэзіи обильнымъ,
 И нынѣ ты еще взываешь гласомъ сильнымъ.